

Александр  
**Невзоров**

Зачем  
России  
православие?

## Annotation

Александр Невзоров, автор легендарной телепрограммы «600 секунд», отец российской журналистики, бескомпромиссно вскрывает самые болезненные, актуальные проблемы современности в России и в своих очерках и публикациях пишет о том, что сегодня волнует как его самого, так и всех нас. Религия и школа, реформа образования и вектор развития государства, патриотизм и либерализм... обо всем этом ярко, образно, провокационно пишет один из самых известных публицистов страны в своих колонках для «Московского комсомольца» и журнала «Сноб». В данную книгу собраны самые интересные публикации Александра Невзорова. С автором можно спорить, не соглашаться или, наоборот, страстно его поддерживать, но узнать его точку зрения на самые острые вопросы наших дней всегда очень интересно!

---

- [Александр Невзоров](#)
  - 
  - [Манифест современного атеизма](#)
  - [Весьма нациАнальная идея](#)
  - [Уроки атеизма \(Три копролита\)](#)
  - [Особая форма педофилии](#)
  - [Православие или жизнь?](#)
  - [Большой кремлевский хобот](#)
  - [Конец света в деталях](#)
  - [Кровавые мальчики Кремля](#)
  - [Ягодичный зуд патриотизма: зов смуты](#)
  - [Отставка господ бога](#)
  - [Мука блаженного Офшория](#)
  - [Вкус крысы, или Котлетки из российской истории](#)
  - [День мракобесия](#)
  - [Танго с мумией.](#)
  - [Бедняга Фрейд](#)
  - [Реконструкторы «веры»: психиатрия и религия](#)
  - [Железные лапти Кремля](#)
  - [У русской литературы закончился срок годности](#)

- [Сосисочная драма Славянска](#)
- [В когтях пигопагуса](#)
- [Идущие в анус](#)
- [Глядящие в пенис](#)
- [Вкус кала](#)
- [Труженики зада](#)
- [Ложь как жанр](#)

## Манифест современного атеизма

Гадаю: а что же, собственно, хочет дать понять мне, да и всем видевшим его за этим занятием, президент РФ Д. Медведев?

(Я имею в виду очередную демонстрацию президента, с усердием гоголевского Носа молящегося на каком-то очередном церковном мероприятии.)

Трудно предположить, что Дмитрий Анатольевич не знает о фантастической способности любой религии разделять людей и натравливать их друг на друга. Столь же трудно себе представить, что он никогда не слышал о том, насколько болезненны, сложны и трагичны все вопросы, связанные с так называемой свободой совести, с многообразием вер и неверий, с рожденным в огне церковных костров правом на свободомыслие, знание и сомнение.

Сомнительно.

Полагаю, он знает об этом.

Тогда что и кому он предлагает усвоить через демонстрацию своей (как первого лица) православности, тем самым предлагая ее как негласную, но категоричную норму? И стоит ли вообще тому, кто не сопричастен православной идеологии, воспринимать сегодня Россию как свою Родину?

Возможно, я один такой неправильный.

Тогда проблемы не существует: следует лишь обсудить конструкцию клетки, в которую я, как атеист, должен быть помещен, а также примерный маршрут перемещения клетки по православной стране (для всеобщей потехи и поучения).

Но пикантность ситуации заключается в том, что на данный момент в России существует неизвестное количество (по оценкам ВЦИОМ, около 30–40 %) граждан, для которых все, что бормочется, говорится, провозглашается и пишется бородами разносчиками духовности, является не более чем скучной и пафосной белибердой, не имеющей вообще никакого смысла и лишь маскирующей (в лучшем случае) тривиальные бизнес-устремления, а в худшем — деструктивное сектантство, раздутое до общегосударственных масштабов. Также можно обоснованно предполагать, что существует и

не меньшее количество граждан, убежденных, что православие как идеология — это главное несчастье России, которое на 700 лет затормозило ее развитие, а в 1917 году доказало свою полную неспособность служить как «стержнем нации», так и неким «цементом», скрепляющим государственность и народ.

Мировоззренческие дебаты тут бессмысленны, а компромиссы нереальны. Возможна лишь одна тема для обсуждения: это способ и стиль сосуществования в одной стране людей со столь полярно разными убеждениями.

Это непростая задача с учетом исключительной страсти христиан «оскорбляться» по любому поводу.

(Очень трудно найти что-либо существенное и важное в истории человечества, что в момент своего возникновения не оскорбило бы христиан в их религиозных чувствах.)

Да и ныне они с поразительной страстью шныряют повсюду и страстно ищут, где бы им еще оскорбиться. Следует отметить, что при этом христиане очень плохо ориентируются в том, что для них действительно является опасным, а что — нет.

Прекрасной иллюстрацией этому тезису служат известные события.

Как вы, вероятно, помните, недавно из «шкафа РПЦ» посыпались «скелеты».

Пока в виде часиков, дач, квартир, троюродных сожительниц и прочей пикантной мелочи.

(Скандалы покрупнее еще только готовятся к десантированию из «священного» шифоньера, но уже слышно, как они там шуршат, волнуются и сотрясают створки.)

Подводить под этот обвал конспирологию нет никакой необходимости; следует понимать, что и скелетам тоже может стать тесно.

В принципе ничего неожиданного или чрезвычайного не произошло: подобные секретки есть у любой бизнес-корпорации, и РПЦ не обязана быть исключением. Никто, собственно, и не предполагал, что костюмации и пафосные декламации из древнееврейского фольклора имеют хоть какое-то отношение к теории и практике ее бизнеса, а так называемое служение имеет иные мотиваторы, кроме меркантильных.

(Повторяю, наличие «брегетов», дорогих квартир, сомнительных смазливцев, яхт, дворцов и миллионов, никак не компрометирует корпорацию, а лишь дает исчерпывающее представление о подлинных смыслах и целях ее «служения».)

Удивительно, что при стопроцентной предсказуемости того, что финансовые и иные механизмы концерна рано или поздно раскроются, сама церковь оказалась трагически не готова к такому «разоблачению»; когда это произошло, именно она оказалась самой истерирующей стороной, а виноватыми — все те, кто узнал или просто услышал о ее подлинных мотиваторах.

Истерика церкви, впрочем, не отличается оригинальностью исполнения.

Она крепко подкрашена экзотической средневековой злобой, но в целом ее компоненты и сценография стандартны: это попытки демонстрации «единства» через организацию экзальтированных масс-мероприятий (стояний), смешные рыдания в СМИ, обзывательство оппонентов и сочинение коллективных доносов. (Все это ожидаемо и мило, но не очень логично, т. к. происшедшее — недоработочка самого концерна РПЦ, «пастухи» которого обязаны тщательнее скрывать свои мотиваторы хотя бы от так называемого стада.)

Истерика подтвердила аксиому: РПЦ не может существовать никак иначе, кроме как в строго тоталитарном варианте, когда ее безопасность в общественном пространстве обеспечивают как минимум 14 статей уголовных уложений, десятков законов и подзаконных актов, штыки, дубинки, нагайки, страх каторги, ссылки и лишения всех прав состояния.

Напомню, что именно эти факторы позволяли сохраниться православию как главенствующей религиозной группировке в так называемой Святой Руси, то есть в царской России.

Никакой другой рецептуры удержания его на плаву как государственной идеологии, судя по дореволюционному опыту, не существует. Маниакальное стремление человека XXI века быть свободным, развитие наук, Интернет и прочее — даже для краткого «торжества православия» потребует уже не 14, а 114 уголовных статей, пятикратное увеличение репрессивного аппарата и изготовление примерно 25 миллионов нагаек. Все это на данный момент не слишком реально и рентабельно.

Недавняя истерика позволила и спрогнозировать ближайшее будущее РПЦ.

Гундяевцам, конечно же, пока везет.

Основными оппонентами их оскандалившейся корпорации выступают только атеисты, никак не посягающие на самое святое, то есть на бизнес церкви. Вроде бы попы могут быть относительно спокойны, так как прибыль в 1500 % от торговли свечками, недвижимостью, сети торговли золотом и прочее — в безопасности.

Но так будет не всегда.

Дело в том, что дырищи в репутации РПЦ, расширяемые с каждым днем СМИ, существенно ослабили ее конструкцию.

Теперь какой-нибудь волосатый харизматик (лучше в сане, а еще лучше — с панагией), хорошо владеющий поповской проф. терминологией и тем минимумом актерской техники, что позволяет изобразить «веру» в сложных условиях ТВ-шоу, сможет легко и грамотно разыграть «религиозный» конфликт с жадным, агрессивным и неумным генералитетом концерна РПЦ, уже скомпрометированным в глазах так называемых верующих.

Результатом такого конфликта будет очень чувствительный расколычок и увод из изъязвленного скандалами «лона» как минимум трети жрецов, а самое главное — паствы с ее финансовым потенциалом. Верующим, как мы знаем, преимущественно безразлично, где именно покупать магические услуги. (Скорее всего, одним расколом дело не ограничится: законы рынка предполагают и более мелкое дробление конструкционно «рыхлых» корпораций.)

Вероятно, такой харизматик уже «дозревает», так как безналоговый бизнес РПЦ является уж слишком легкой и завидной добычей, чтобы не быть расколотым и обглоданным. А с такими «стражами престола», как «Чаплин в рясе», малыш Легойда и антисанитарные хоругвеносцы, его можно брать и рвать голыми руками.

(Кратенькая, легкая, строго разведывательная информационная операция «Брегет-1» выявила беспрецедентную слабость всех линий РПЦшной обороны. Поповские идеологи до смешного не умеют держать, отражать, нейтрализовывать и парировать даже легкие информационные удары.)

Возможно, этот разворот в судьбе концерна (раскольчик) обеспечит некто из недавно наштампованных епископов (там есть парочка вполне себе авантюрных и неглупых прохиндеев), а возможно, этот «некто» еще таится в угрюмой среде семинаристов, где легко замаскироваться, лишь имитируя (до времени) беспричинную печаль и туповатость.

Посмотрим.

В любом случае это должно произойти, и есть надежда, что шоу будет вполне качественным. Концерн РПЦ пожелал жить по законам бизнеса — ну, соответственно, пусть и прочувствует всю прелесть этих законов.

Такой исход автоматически неизбежен, а точка невозврата уже пройдена. В результате последует дробление концерна РПЦ на множество мелких эклизий, сутяжничающих меж собой из-за собственности, льгот, антиквариата, эфирного времени и мигалок. Вероятно, та скептическая усталость, которую ныне демонстрирует в отношении РПЦ власть, усугубится «до невозможности», тем паче что обещанного перед парламентскими выборами беспрекословного повиновения «стада», что называется, «не вышло», а государственной идеологии из православия не получается по причине отсутствия 114 соответствующих статей УК, 25 миллионов нагаек и определенных трудностей при получении от Госпжнадзора разрешения на разведение очень «специальных» костров.



## Весьма нациАнальная идея

Свершилось.

У России, кажется, вновь завелась идеология. (С ослабленными или больными госорганами, пребывающими в некоторой антисанитарии, это случается.)

Следует отметить, что со времен Хомякова, Победоносцева и Брежнева калибр российской национальной идеи несколько минимизировался. По сравнению с украсившими свалку истории «третьим Римом», «покоренным космосом», «народом-богоносцем» и «миру миром» — нынешняя русская национальная идея выглядит геополитически, конечно, поскромнее, но зато значительно превосходит устаревшие образцы в пикантности, так как из области «головой, сердца и космоса» она уверенно переместилась к анусу и гениталиям.

Я имею в виду общенародную «охоту на гомосеков», сезон которой был открыт в марте 2012 года набожными законодателями Санкт-Петербурга.

Почему именно питерский ЗАКС так истерзало мыслями о ненадлежащем применении гражданами своих задов — история в полной мере не раскрывает; хотя известно, что главному инициатору закона было видение: огромный, увенчанный то мурмошкой, то кокошником (то есть очень национальный) зад, который молил праведного депутата о своем спасении.

Явление страдающего зада наблюдалось законодателем и над Петропавловской крепостью, и над Исаакиевским собором, и даже над Смольным. Это видение преследовало депутата неотступно, но некоторое своеобразие фонетики и мимики таинственного объекта мешало праведнику до конца понять причину его страданий.

Тогда он обратился к проктологам, протоиереям, местным поэтам-хоругвеносцам и другим профильным специалистам, которые легко расшифровали и перевели на церковнославянский обращенную к депутату речь его преследователя, где (как выяснилось) содержались жалобы на «злокозненных геев».

Эта-то речь и стала основанием для текста знаменитого закона. Дальнейшее было делом техники.

Потрясенные явленным коллеге откровением, в борьбу за страдающий национальный зад включились прочие депутаты — и закон был принят.

Говорят, что принятие сопровождалось уже коллективным созерцанием чудесного объекта всем Законодательным собранием, овациями и троекратным лобызанием видения с праведником прямо на трибуне.

Возможно, во всей этой истории какая-то часть и мифологична, но никаких рациональных мотиваций принятия закона № 108-18 от 17 марта 2012 года пока установить не удалось.

Питерская инициатива не просто прижилась в регионах, но и быстро обрела статус вдохновительницы масс. Она воодушевила публику на местах и на законодательное прихлопывание элгэбэтэшников, и на более основательное (и безнаказанное) их поколачивание при первом же удобном случае. Приосанилось и чиновничество.

Вдохновленное примером питерского губернатора, который, побрякивая веригами, послушно подписал откровенно дискриминационный и бессмысленный закон странного происхождения, всякое мелкое и средnekрупное начальство заерзало на местах, объявляя геев главными врагами отечества.

Апелляция к российскому чиновничеству, конечно, не совсем корректна, так как его безмыслие и, соответственно, трепет перед любой так называемой духовностью, кажется, уже достигли абсолюта.

В этом смысле показателен пример красавца Онищенко.

Он вдруг покорно лизнул переплет Библии, всерьез и очень доверительно сообщив прессе, что именно это-то сочинение и является концентратом настоящего гигиенизма и санитарии. Нам еще повезло, что санитары книжек не открывают, а то в один прекрасный момент ведомые Геннадием Григорьевичем ОМОУны, согласно однозначным библейским предписаниям, начали бы отлов и жесткую изоляцию от общества дам с месячными.

Возможно и введение других гигиенических библейских нормативов, таких как обмазывание и обрызгивание населения

жертвенной кровью и жиром и мытье ног в крови врага (как в 57-м псалме рекомендует царь Давид).

Но вернемся к гомосексуалистам. Объяснениями, почему травить надо именно «гомосексов» и в чем они вообще провинились (или чем опасны), — никто себя так и не утрудил.

Единственное обоснование арестов, запретов, поражения в правах и избиений этих граждан России в XXI веке заключается лишь в том, что их склонности противоречат некоторым положениям древнееврейского фольклора, что и раздражает бородатых поклонников последнего. Никаких других обвинений этим, чуть иным, людям предъявлено так и не было, из чего следует, что все претензии к «гомосекам» находятся лишь в области религиозно-мифологической, и уж никак и ни в каком виде не могут закрепляться законодательством светского государства или вообще приниматься всерьез вне контекста религиозных убеждений.

Демографический аргумент, которым иногда мотивируется травля геев в России, звучит мило, но лицемерно, с учетом того, что всегда предъявляется той стороной, что сама, по правилам своей «священной» ролевой игры, обрекает на физиологическую трагедию и полное бесплодие десятки тысяч здоровых мужчин и женщин в так называемых монастырях. (Демографические трели церкви звучали бы убедительнее, если бы она сама «во имя демографии российской» одним росчерком решила бы нормализовать сексуальную жизнь в своих обителях и через годик предъявила бы тысячи младенцев.)

Ситуация же с геями настолько любопытна, что заслуживает того, чтобы быть отпрепарированной и рассмотренной более тщательно.

Механизмы ее понятны.

Новый иеромонах Илиодор или иной церковный вождь настоящих, боевых «черных сотен» уже не зародится в недрах бородатого концерна, а вот погромный зуд уже опять проснулся. (В его пробуждении виновато в большей степени государство с его дурацкими ласками.) Выкидывать еврейских детишек из окон на мостовые, как это было принято в конце XIX — начале XX в., несовременно и опасно, поэтому избран другой объект, на страже которого не стоит мировое жидомасонство с его «климатическим оружием» и другими аксессуарами «всемирного заговора».

Геи все-таки безобиднее и беззащитнее, чем те, на ком русская церковь могла удовлетворяться на рубеже прошлого столетия, и прекрасно подходят и для реализации декоративной национальной идеи, и для утоления страсти погромить и поиздеваться.

Шизофренизм 2012 года, конечно, позволил определиться в отношении бедных гомосексов и их прав всем тем, кому вопросы сексуальной ориентации были до этого времени скучны и безразличны, но и он не отменил крайне негативного смысла слова «педераст».

Впрочем, обозначились и некие новые грани и нюансы этого емкого термина. В современной российской интерпретации это уже не столько гей, сколько просто — не мужчина. А принадлежность к этой категории, как известно, определяется прежде всего отношением к женщине.

Или к целым трем женщинам.

К примеру, к тем, кто за безобидную песенку уже третий месяц зачем-то сидит в тюрьме.

Безвинно и бессмысленно.

Тому, кто их усаживал или удерживал там, легко доказать принадлежность к «не-педерастам». Им достаточно просто извиниться перед девчонками. Всего лишь на основании своей принадлежности к мужчинам.

Или просто к «не-педерастам».

Если им, конечно, знакомо это ощущение.

## Уроки атеизма (Три копролита)

Отрадно видеть, что служители культа и добровольная обслуга идеи «православие, самодержавие, народность» наконец-то подвели под все творимые ими дикости хоть какую-то базу. База незатейлива и заключается в паре-тройке заклинаний, смысл которых в том, что тот, кто против «православия, тот против России».

Известный лауреат премии «Серебряная калоша-2012» блеснул еще более изощренной формулировкой, сообщив миру, что разглядывание его часиков вообще «подбивает Россию на взлете».

(Красивый приемчик декларативного увязывания себя с чем-то очень значительным был изобретен еще О. Бендером, но в принципе работает до сих пор.)

Неприятие церкви и церковников в сегодняшнем контексте трактуется как русофобство и нечто крайне антипатриотичное, так как, по мысли служителей культа и их воцерковленнейшей, весь смысл существования России заключается только в содержании РПЦ. Такой взгляд на вещи экзотичен, но возможен.

Но и у позиции, что именно церковь, для собственного удобства и бесконкурентности глобально изолировавшая Россию от всякого европейского развития на 700 лет, была главной причиной большинства трагедий страны, — не меньше прав на существование. И клейма «русофобства» здесь мало уместны.

Напротив.

Приведу пример: заметив на близком человеке, предположим, кепочку в горошек и с невообразимыми ушками, вы честно сообщаете, что кепочка придает ему сходство с полным идиотом, и предлагаете ее снять.

Это действие отнюдь не означает антипатии к ее носителю, скорее, наоборот, желание убрать обыдичивающий аксессуар есть искреннее и реалистичное действие во благо этого персонажа. Возможны, конечно, аналогии и с чашей отравы, с миной, капканом или с протухшими шпротами, но они излишне пафосны, и пока для них нет особых оснований, так как события «вокруг кепочки» развиваются скорее забавно, чем трагически.

Топорная клерикализация дает свои первые плоды.

Мягко говоря, они иные, чем те, что ожидались кремлевскими садоводами.

Церковь становится посмешищем.

Но ладно — церковь, поиграли и забыли; грустные попы удалятся в тень своих приходиков, чтобы заняться привычным делом: тихо высасывать у старушек пенсии, а у впечатлительных бизнесменов — джипы. Но жертвой клерикального разгула, увы, стала и сама госидеология в целом, и тщательно возвращаемый последние 20 лет казенный патриотизм.

О госидеологии стоит упомянуть особо.

Кремлевские сизифы уже который год пытаются сложить три ее компонента (то есть православие, самодержавие, народность) то башенкой, то калачиком, то змейкой. Эти игры с тем, что недоброжелатели системы могли бы назвать «копролитами», имели определенный успех.

Трехсоставную игрушку удалось скомбинировать и отполировать так, что ею вполне можно было дурить школьников 4-х — 6-х классов и умилять до слез администрацию государства. Усилием центральных телеканалов и всего сотни газет госидеологии даже удалось обеспечить на информационном рынке почетное 225-е место. Немножко портили картину бородатые маргиналы, которые использовали идеологическую конструкцию для актов публичного самоудовлетворения, вводя ее себе на опасную (по меркам проктологии) глубину, но позже выработалось общественное привыкание и к глубине, и к публичности, и даже к тому сладострастному мычанию, которым эти акты всегда сопровождались. Основное население РФ созерцало жизнь кремлевской идеологемы по ТВ-каналам, воспринимая ее даже с некоторым интересом и умилением, то есть примерно как лося, забредшего в супермаркет.

Иными словами, была себе у РФ некоторая идеология, даже не хуже, чем, к примеру, у ацтеков, но, в отличие от ацтеков, все человеческие жертвоприношения делались на периферии и особо не рекламировались.

В обычной жизни она никого особо не касалась и не беспокоила.

Ее откровенная средневековость, конечно, проявлялась в нелогичности госустройства, маразме, взаимной озлобленности,

тотальном воровстве и странных судебных процессах, но в контексте того, что никто, собственно, никогда и не воспринимал РФ как пространство, пригодное для нормальной жизни, о причинах задумываться было не принято. Как и не было принято пристально разглядывать составляющие элементы госидеологии. Но жертвоприношение в Хамовническом суде, инквизиторничанье, вторжение попов в школы, размах безнаказанного хулиганства служителей культа, бюджетное обеспечение их любых проказ и роскоши, то есть то, что и называется настоящей клерикализацией, увы, существенно повредили нехитрую конструкцию из трех элементов. Впрочем, такое развитие событий мог бы предсказать даже слабоумный. Как известно, клерикализация вызывает атеистическую реакцию, та провоцирует всплеск критицизма. Критицизм, остро нуждаясь в информационном питании, вызывает резкую генерацию знаний. А неизбежная поспешность этой генерации порождает те информационные взрывы, которые обрушивают любые идеологемы.

Огорчительно, но казенно-патриотические символы обычно становятся первой жертвой, на волю вырываются реальные факты и лопаются мыльные идеологические пузыри.

Первым лопнул Александр Невский, за ним, вероятно, последует Бородинская «победа».

Про первого «героя» Руси общество узнает, что был он кровником-побратимом сына Батые, ярлыки на княжение (возможность власти) получал только в Орде, по татарской указке лично разгромил и поджег единственный свободный на тот момент от татарской дани Новгород. Узнает и то, что в «грандиозной» битве на Чудском озере было убито... 20 рыцарей, а Лаврентьевская летопись руководителем русского отряда в той небольшой стычке называет не Александра, а Андрея Ярославича, его безвестного брата.

Примерно такая же малоприятная история с Бородинской «победой».

Желание церкви «потереться о ее ноги» обязывает нас вспомнить факты массового предательства духовенства в 1812 году: к примеру, то, что две трети служителей культа Могилевской епархии «учинили присягу на верность врагу», а православный клир Смоленска встречал Наполеона с образами и колоколами.

С самой «победой» все обстоит еще печальнее: «с поля русской славы» наши отступали так позорно, что бросили в селе Можайском и на самом Бородинском поле около 10 тысяч своих раненых солдат.

Главный хирург Наполеоновской армии Доминик Жан Ларрей подробно описывает эту ситуацию, равно как Белло де Кергорр и Мерсье, которые, впрочем, приводят цифры даже чуть большие, чем 10 тысяч.

(Следует отметить, что в селе Можайском французы почти не обижали русских раненых, а лишь выбрасывали их из домов в огороды, чтобы освободить место для своих.)

Или, уж совсем некстати, всплывет тот милый факт, что, пока война с Францией шла на территории Российской империи, дезертиров, действительно было немного, поскольку бежать было некуда; русский пейзаж и тогда был богат капитан-исправниками, колодками и каторгами, но как только победоносная русская армия перешла границу Франции, примерно четверть ее личного состава (около 40 тысяч человек) дезертировала, рассосавшись по французским провинциям и нанимаясь к фермерам Гиени, Пикардии и Монбельяра грести навоз из-под галльской скотины.

А. М. Баранович, автор записок «Русские солдаты во Франции в 1813–1814 годах», оговаривает, что речь идет лишь о рядовых и унтерах, то есть о рабах системы, для которых вольное батрачество у врага было куда соблазнительней, чем роль воина-победоносца.

(Чуть смущенный этим фактом Александр I за счет казны намеревался вернуть дезертиров в Россию, всем пообещав прощение, и даже дважды обращался за помощью в этом вопросе к Людовику XVIII, но вернуть удалось лишь около десятка человек.)

И это лишь два примера, а их могут быть десятки по всем ключевым идеологическим позициям. Конечно, такие вещи и не должны становиться известны, они смертельны для казенного патриотизма, наспех сляпанного из «помятых киверов», «стойкостей» и профиля артиста Н. Черкасова.

Иконки госидеологии надо показывать редко, кратко и по возможности издали. Совать их под нос народонаселению не рекомендуется, так как возникает опасность их пристального изучения.



Скажу еще менее приятную вещь — рано или поздно топорная клерикализация спровоцирует совсем уже страшный вопрос: а чьей, собственно, религией было православие? Какого такого народа?

Дело в том, что понятие «народ» очень сложно коррелируется с понятием «рабы». Рабу немислимо любить ту систему, которая предполагает возможность его продажи, публичной порки, тихого убийства, любых истязаний подневольным трудом, его безграмотность и жизнь в дикости и грязи. Раб не может быть ни патриотом, ни гражданином. А таких рабов, крепостных, в Российской империи до 1861 года было почти 88 % населения. Так православие — это *их* религия?

Что же касается среднего компонента триады, то есть «самодержавия», то тут все пока очень оптимистично, этот компонент идеологии еще может поработать. Учитывая моду на всякую экзотическую живность, Российская Федерация в принципе может завести себе даже царя, и если ему будут изготовлены впечатляющие аксессуары, то будущий монарх сможет очень прилично зарабатывать на корпоративах.

## Особая форма педофилии

Итак, религия вторглась в школы.

Возникает естественный вопрос: что делать?

Разумеется, противостоять желательно через демонстрацию твердой родительской позиции, обязав руководство школы полностью оградить вашего ребенка от любой религиозной пропаганды.

Если это будет невозможно (по разным причинам), то предстоит серьезный разговор уже с ребенком.

Ему придется честно сказать, что его развитие и во многом его будущее собираются принести в жертву потенциальной доходности странной организации под названием РПЦ. Столь же отчетливо придется объяснить и тот неприятный факт, что и учителя бывают глупы и трусливы, что живут в страхе перед начальством и вынуждены преподавать то, чего не понимают сами.

Это придется объяснять терпеливо и последовательно, естественно, принося в жертву авторитет отдельных педагогов, а через них и школы в целом.

Ну что ж.

Школа должна со всей отчетливостью понимать, что, вновь впустив в свои стены «закон божий», она вступила в открытый конфликт не только с наукой, развитием, самой сутью просвещения, но и с тысячью великих теней, положивших когда-то судьбы и жизни за то, чтобы избавить человечество от самых нелепых его заблуждений. Эти тени когда-то были людьми редкого и преимущественно ядовитого остроумия. Предполагать, что они не «дотянутся» из-под мрамора своих гробниц до робких «шкрабов» современности — предельно наивно. Вероятно, школьным работникам теперь придется познать не только преимущества покорности, но и все связанные с ней неудобства.

Забавно, что никто так и не смог ответить на простой вопрос: зачем это вообще надо?

Зачем воспаленный, сложный, экстремистский по самой своей природе вопрос надо предлагать детям в 4-м классе?

Причем столь безапелляционно?

Для лучшего «понимания и усвоения» русской культуры?

Но даже по факту простого численного представительства русская культура, возможно, не вполне атеистическая, но уж никак не православная. Имена Тургенева, Герцена, Белинского, Писарева, Добролюбова, Чернышевского, Чаадаева, Павлова, Тимирязева, Сеченова, Орбели, Есенина, Циолковского, Мандельштама, Булгакова, Левитана, Перова, Маяковского, Толстого, да и еще доброй сотни создателей этой культуры, — говорят сами за себя. С культурой же общемировой православие вообще не имеет никакой, даже внешней связи, а со значительной частью — и вовсе пребывает в мировоззренческом жестоком конфликте.

Православие в его обычном понимании на протяжении многих веков было некоей «народной религией», то есть вероисповеданием безграмотных, изолированных от развития людей, которых законы разрешали продавать и покупать, унижать и насиловать любым способом. Русские крепостные, иными словами — рабы, были основной референтной группой православия. Русская знать, которой петровские реформы дали некоторую свободу, немедленно ею воспользовалась.

Как мы помним, дворянство (за небольшими исключениями) всюду масонствовало, уходило в теософию, месмеризм, эзотерику, а затем вольтерьянство, толстовство, дарвинизм и атеизм. О деве Марии оно вспоминало в откровенно порнографических стишках типа «Гавриилиады», а о попах — в мечтах об удушении последнего царя кишкой последнего попа.

Кумиры просвещенной молодежи, разночинцев и студенчества тоже сменялись очень занятным образом, но никогда среди них не оказывалось казенных мыслителей.

Вольнодумец и погромщик православия Чаадаев сменялся атеистом Писаревым, тот — Кропоткиным и т. д.

Конечно, имело место и так называемое богоискательство, но оно ничего общего с православием не имело, обращаясь то к католичеству, то в сакральную иероглифику Кирхериуса.

Разумеется, в культуре существовали группировки «охранителей» с их показным православием, но на любой их шаг прогрессисты отвечали залпами, подобными письму Белинского к Гоголю.

Конечно, русская культура имела свой православный полюс, представленный славянофилами.

Отношения западнического, либерально-атеистического и славянофильского полюсов были, напомним, очень скверными. Лучше всего взаимоотношения этих полюсов в русской культуре иллюстрирует реакция Достоевского на труды Ивана Михайловича Сеченова.

Напомним, что после выхода «Кому и как разрабатывать психологию» Достоевский исплевался ядом, назвав Сеченова «в сущности, человеком необразованным», «мало знающим», «научными своими выводами скорее вреден, чем приносит пользу».<sup>[1]</sup> Да, у многих поэтов и литераторов могли случаться приступы публичного православия, но следует помнить, что статьи уголовных уложений, карающие за ересь, иноверие или атеизм ссылками, порками и лишениями прав состояния, распространялись на всех, и литераторы вынуждены были демонстрировать лояльность.

Фактор жесточайшей и крайне свирепой полицейщины в вопросах «веры» позволяет усомниться в искренности таких демонстраций. То есть называть русскую культуру XVIII–XX веков «православной» нет никаких оснований. Она была настолько неоднородна, слоиста и конфликтна, что вообще никакой объединяющий термин к ней не подходит и применяться не может. Говорить же о некоем «древленародном, допетровском православии» вообще невозможно, так как в течение почти семисот лет ни у одного человека в России никакого права выбора веры или мировоззрения не было.

Попытки читать лишние книги или даже просто задумываться на тему веры немедленно объявлялись ересью, как это было с группой новгородских и московских интеллектуалов в XV веке, осмелившихся переосмыслить некоторые каноны. Разумеется, дело закончилось пытками, отрезаниями языков и сожжениями. Следует отметить, что все фигуранты дела о московско-новгородской ереси были отнюдь не атеистами, а занимались «обретением истины о бозе». Богоискатели, среди которых были и миряне, и духовенство, были наречены «жидовствующими» и истреблены.

В XVII столетии массовые казни, убийства и сожжения были ответом русской церкви на другую попытку инакомыслия, на так называемый раскол. Разумеется, ни о какой свободе выбора веры или

убеждений говорить не приходится, выбор православия никогда не был свободным, осмысленным и осознанным актом.

Умилительная сцена расцеловывания русскими солдатами икон перед Бородинской битвой имеет простой подтекст: грамотных во всей русской армии было около 4 %, а примерно 90 % личного состава — крепостные, то есть обычные рабы, более того, рабы, с раннего детства принужденные системой «веровать и исповедовать» то, что было наиболее комфортно для той самой системы, что держала их в рабстве. Так что никакого выбора «целовать не целовать» у них просто не было.

Понятно, что история не более чем служанка идеологии, всегда готовая обслужить свою барыню, принять любую позу и конфигурацию, мимикрировать, сдуться или надуться. Она всегда готова выполнить любую прихоть идеологии, что доказывает неслучайное богатство существующих в этой дисциплине методов. Но не существует метода, с помощью которого можно было бы исказить ее настолько убедительно и красиво, чтобы доказать «стержневую» роль православия в истории России.

Православие с первого дня своего появления — не более чем инструмент власти, лишь один из способов насилия.

У служителей культа остается один на первый взгляд реальный аргумент — это необходимость привития детишкам «морали и нравственности». Почему-то эта организация, поведение и нравы которой в ее лучшие времена «святой Руси» православный царь Иван IV характеризовал как «хуже скотов», прославившаяся в истории алкоголизмом, ленью, развратностью, жадностью, решила, что именно она должна учить наших детей «морали и нравственности».

Попытка приватизации попами так называемой морали забавна, так как практически любое произведение классической литературы содержит все положения «морали» в легкоусвояемом рафинированном виде, без странных нагрузок в виде битья лбом об пол и целования досок и рук толстым мужчинам.

Предположение, что церковь может выступать неким «педагогом», вообще лишено оснований.

Следует помнить, что насилловавшие поповских дочек в 1918 году матросы или солдаты, «прикалывавшие» штыками буржуйских детишек, — все в обязательном порядке прошли катехизацию, полное

воцерковление, причастие, изучали «закон божий» как обязательный для всех православных жителей Российской империи.

Вообще, следует помнить, что излишне кровавую и бесчинно сыгранную революцию 1917 года делали исключительно крещеные и воцерковленные люди, так как других в России того времени просто не было. Толпы погромщиков, дезертиров, расстрельщиков, убийц и насильников воспитала именно русская церковь, в руках которой до 1917 года были все педагогические функции. И это — исторический факт, спрятаться от которого не удастся.

Иными словами, никаких вразумительных объяснений необходимости введения религии в школе не существует. Кроме одного, самого простого — страстного желания РПЦ обеспечить себя еще парочкой поколений покупателей свечек.

## Православие или жизнь?

Видим, как РПЦ, кряхтя от наслаждения, уже напяливает свою старую жандармскую шинель, услужливо поданную «Единой Россией».

Попы недолго играли в просветленность и благодущие.

Получив множество вызовов современности и будучи не способны на них ответить, они выбрали самый простой путь, решив заткнуть рты оппонентов кулаками полицейских и колючей проволокой зон.

Первым птеродактилем новой эпохи церковно-общественных отношений стала статья УК, в которой помимо дополнительной защиты молитвенных домов и религиозных аксессуаров со всей откровенностью прописана уголовная ответственность за инакомыслие.

Впервые за последние сто лет православные так откровенно выставили своего бога на посмешище.

Теперь понятно, что ему, несмотря на все его всемогущество, то есть на запасы эпидемий, небесных булыжников, расплавленной серы и легионы ангелов, без дополнительной статьи в УК РФ, запрещающей смеяться над служителями его культа, ну никак не протянуть даже до нового, 2013 года. Впрочем, вопрос качества их бога нас интересует меньше всего.

Интрига совсем в другом.

В контексте сегодняшней политической картинки известный лозунг религиозных фанатиков «Православие или смерть» приобретает особый, строго практический смысл.

Я, впрочем, рекомендовал бы гг. Нарышкину, Жириновскому и прочим думским хоругвеносцам пока ограничиться начертанием на своих галстуках, футболках и пиджаках промежуточного варианта данного лозунга, а именно: «Православие или статья».

На данный момент это будет точнее и позволит оставаться в том самом «правовом поле», на котором думцам так удобно играть в футбол отрезанной головой Конституции РФ.

(К различным версификациям типа «Православие или костер, электрический стул, кол, пуля и пр.», можно будет плавно перейти со временем.)

Любопытно, что лейтмотивом карательных инициатив является непереносимое «уважение» к религии и неким традициям. При этом законодатели ну никак не хотят объяснить, каким образом и за что можно «уважать» кровавую, деструктивную, лицемерную и агрессивную идеологию христианства?

Вторым пунктиком, обосновывающим необходимость новой статьи, служит то, что «верующие оскорбляются».

Но, во-первых, мы уже знаем, что вся мировая цивилизация и культура — это сплошное оскорбление для тех, кто хочет жить по правилам древнееврейского фольклора.

Во-вторых, мы видим, что вполне конкретные лица дрессируют верующих оскорбляться и, более того, — требуют от них должного градуса этой оскорбленности, а когда градус падает, то его старательно возгоняют.

Достаточно проанализировать недавнюю сцену так называемого молитвенного стояния у ХХС. Председательствующий на этом мероприятии гр. Гундяев (в лучших традициях сеансов Кашпировского) твердит именно то, что в переводе с поповского на русский звучит как: «Оскорбляйтесь! Оскорбляйтесь сильнее! Стисните зубы от муки, видя *это!* Ужаснитесь!» При этом демонстрируются какие-то изображения на досках, покорябанные очередным религиозным фанатиком, вспоминаются бедные «пусси», выставки, телепередачи и старательно намекается на то, что от всех этих проделок их христианский бог как-то ужасно пострадал. (Забавно, что нейтральная реакция самого бедолаги-бога никак не учитывается, хотя, как мы знаем из «священных писаний», его ответы на любую оплошность бедного человечества всегда были высокоскоростными и искрометными.)

Столь же лукаво и тщательно в этих дрессировочных сеансах разыгрывается карта традиций и патриотизма.

Вот на этом уже стоит остановиться подробнее.

Дело в том, что русский патриотизм не обязывает носить лапти, иметь вшей или быть православным. А вот стремление затолкать русскую мысль, жизнь и сознание в православную пещерность,



вернуть Россию на давно пройденный, архаичный этап развития — это и есть подлинная, настоящая русофобия.

Традиции — это, конечно, милые побрякушки, но с ними надо иметь мужество расставаться вовремя и без всякой жалости, так как именно они являются главными врагами всякого развития. Сохранение традиций мышления и мировоззрения никогда не позволило бы России иметь И. М. Сеченова, И. П. Павлова, М. В. Ломоносова и К. Г. Циолковского. Все они были олицетворением бунта против традиционного, в данном случае православного, взгляда на мир, а совсем не его следствием.

Вообще, как известно, есть два рецепта патриотизма. Военный и научно-цивилизаторский.

Патриотизм на военных дрожжах всходит быстрее, выглядит наряднее, проще усваивается массами. Рецепт его возгонки крайне прост: пользуясь завалами вранья в истории, надо воспевать различных генералов, по большому счету бессмысленно водивших по Европе толпы крепостных в пудренных мукой париках и прокалывавших животы брюхатых бюргериц с кличем: «С нами бог, разумеете языцы». Несмотря на идиотизм и бесперспективность этой модели, в ней есть своя прелесть: она практичнее, чем «научная», ибо именно военный патриотизм является лучшим рецептом для приготовления пушечного мяса. Эта модель удобна и для администрации страны, и вообще для любых исполнителей политических ритуалов: она требует лишь знания пары генеральских фамилий и умения вовремя блеснуть слезой из нужного глаза.

Патриотизм второго типа посложнее, и, что самое неприятное, он требует некоторых специальных знаний, например, того, что Иван Павлов не был монахом-доминиканцем, а Тимирязев не приговаривался афинянами к выпиванию яда. Конечно, такая глубина познаний в истории науки почти недоступна для юристов-экономистов-филологов в правительстве, но вопрос можно решить, дав наконец право администрации выступать на ответственных мероприятиях под фонограмму. (Конечно, надувать щеки научного величия, прочно удерживая красивое 155-е место в мире по качеству образования, сложновато, но не сложнее, чем великодержавничать, недавно продув войну даже крохотной Чечне.)

Второй рецепт, несомненно, хорош тем, что России, давшей миру образцы поразительного свободомыслия, гениальности в науке и технике, действительно есть чем гордиться. Но в этом варианте государственной идеологии нашим торговцам духовностью можно будет предложить совсем скромное место. А это опять оскорбит их чувства. Столь же сильно, как, например, аборты или гей-парады.

(Хотя мне совершенно непонятно, в чем принципиальное отличие гей-парада от крестного хода верующих? И в том и в другом случае мы видим костюмированное пафосное шествие, имеющее целью продемонстрировать некую исключительность в нем участвующих.)

С абортами еще забавнее.

Любопытно, что и по данной теме церковь имеет свое мнение, хотя никакими специальными знаниями, чтобы решать этот вопрос, вообще не располагает. Более того, мы знаем, что самое дикое свое невежество церковь всегда отстаивала с пеной у рта, но по всем вопросам всегда и неизменно садилась в лужу. Так было в вопросах астрономии, биологии, зоологии, антропологии и пр.

В частности, «отец церкви», вселенский учитель и святой Исидор Севильский является автором версии, что

«...пчелы образуются из разлагающейся телятины, тараканы — из лошадиного мяса, кузнечики — из мяса мулов, а скорпионы — из крабов».

Не менее любопытную версию зоогенеза предложил и Фома Аквинский в «Сумме теологии» (*Summa Theologiae*):

«Если даже появляются новые виды, то потенциально они существовали раньше, что доказывает тот факт, что некоторые животные образуются из гниения других животных».

Любопытно, что останки мамонтов и динозавров теология вплоть до конца XIX века предлагала как доказательство существования «библейских гигантских людей», «исполинов», которые, согласно 6-й главе Книги Бытия и 13-й — Книги Чисел в Библии, параллельно с людьми населяли землю во времена Ноя и Моисея.

(Разумеется, тогда никто не вел специальных раскопок, но очень часто размывы, оползни, обрушения отвесных берегов рек обнажали гигантские кости.)

Примечательно, что их вывешивали в церквях именно как кости библейских исполинов, погибших при потопе.

Я уж не говорю о гео- и гелиоцентризме, о форме и возрасте Земли. Где бы мы ни искали хоть малейших проявлений разумности или «особых знаний» церкви, мы, к сожалению, их не найдем и будем вынуждены признать, что рассматриваем историю не только очень агрессивной, но и откровенно глупой организации.

Возможно, именно этим объясняется ее обидчивость.

Всегда, на всех и на всё.

Впрочем, нам, в России XXI века, от этого не легче. Нам опять, теперь уже законодательно, предлагается «Православие или смерть».

Полагаю, данный лозунг все же имеет смысл перефразировать раз и навсегда в «Православие или жизнь». И уж тогда делать свободный и осмысленный выбор меж этими двумя позициями.

## Большой кремлевский хобот

Понятно, что переход президента, например, в индуизм спровоцирует массовое набитие мусорных корзин иконками, а чиновничество ринется в швейцарские и израильские клиники приращивать себе небольшие хоботы, чтобы добиться портретного сходства со слонолицым Ганешей, самым популярным божеством индуистского пантеона.

Циники и приспособленцы, конечно, будут пользоваться накладными хоботами, но истинные патриоты России заставят потрудиться трансплантологов и пластических хирургов. Всем и сразу станет понятна неразрывность Махадьякши с русской национальной духовной традицией и бесспорная роль Индры, Шивы и Парвати в Полтавской баталии.

(Нет никаких сомнений, что наша историческая наука поднапряжется и обслужит эту версию в лучшем виде.)

Эстетически это тоже будет недурно: хобот радикально украсит Мединского, облагородит Онищенко, очень пойдет Нарышкину, а вот у Валугева даже появятся реальные шансы стать премьером. (В стране торжествующего индуизма даже сам Медведев при Валугеве с хоботом больше чем на его третьего референта не потянет.)

Впрочем, пока у Кремля другой «хобот», и крепится он не к лицу.

А гораздо глубже.

Особые, принципиальные отличия «таинственного» православного «хобота» от лицевого аксессуара Ганеши пока не установлены, так как и тот и другой относятся к разряду сверхъестественного и плохо поддаются обмерам. Говорят, православный «хобот» духовнее, но его обладателям «брать» приходится руками, что не всегда удобно по чисто дактилоскопическим соображениям.

Трудно предсказать, какие именно метаморфозы ждут государственную идеологию России, если в ней восторжествует (к примеру) индуизм или вуду. Свалка идеологического старья, на которой кремлевцы выкопали и напялили на себя загаженную и ветхую идеологию «православной империи», таит еще массу сюрпризов.

Впрочем, есть надежда, что со временем на ней откопают что-нибудь не такое сгнившее, а чуть посвежее и поразвлекательнее.

Но все это теоретизмы.

Пока имеем то, что имеем, то есть идеологию, которая всегда и стабильно обеспечивала России только одно отличительное свойство — быть битой практически всеми, кто не ленился это делать.

Это было понято еще в середине XIX столетия, после позорного поражения в Крымской войне, но со всей отчетливостью сформулировано чуть позже.

Причем формулировка тем более ценна, что принадлежит тому, кто историю не только знал, но и неплохо делал:

«История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все — за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно».<sup>[2]</sup>

Но Кремль не дремлет.

Той самой идеологии, что обеспечивает отсталость и битость, ему надо все больше и больше.

Недавно он блеснул новыми задумками, небрежно замаскировав их под народные инициативы. (Возможно, по мысли кремлевцев, именно эти задумки стали достойным ответом на американскую программу освоения Марса.)

Первая заключается в создании «Мыслительного Заборского клуба», объединившего современных имперцев-славянофилов. Их предназначение — спасти Россию силой своей мысли. Заметно, что подобраны мыслители вдумчиво, тщательно и очень стратегично, то есть по принципу наличия бороды. Имперцы всем клубом гастролируют по провинциальным городишкам России и в каждом «из малых сих» совершают обряд заседания, чем ослабляют в данной точке страны влияние мировой закулисы, гомосексуализм и радиацию.

Попутно «заборцы» решают основную проблему отечественной духовности, решая, как высморкаться в онучу, чтобы от носа не пахло ногами.

Вторая кремлевская инициатива еще симпатичнее. Страну собрались украсить портретами философствующих боксеров и работников эстрады с их признаниями в любви к РПЦ. В эту компанию затесался даже один профессор (большой любитель умных деток), обогативший науку открытием того, что «атеисты — это больные животные, и их надо лечить». Тут поначалу все шло прекрасно, но случилась небольшая осечка: привыкшие к нормальным деньгам за рекламу сотовых и чипсов, мордобойцы и вокалистки раскапризничались и не стали пиарить своего бога почти бесплатно. Не избалованный гонорарами любитель деток пока остался олицетворять духовность в одиночестве, но ситуация, что называется, поправима.

Хуже обстоит дело с новоустановленными государственными праздниками, вроде «согласия-примирения» или «славянской письменности». Смысл их по-прежнему непонятен, а вызываемое ими воодушевление ничтожно.

А вот здесь кремлевцам следовало бы поучиться у церкви, давно и успешно практикующей метод «пищевого подкрепления» своих адептов. Такой метод вырабатывает четкую аналогию праздника и разрешения на привычную еду, делая радостными даже совершенно непонятные даты и события. «Отцы» церкви не зря в свое время посещали римские цирки, где пристально наблюдали процессы дрессировки, и в результате изобрели превосходный способ наполнить для народа смыслом и ликованием любое церковное событие. Все очень просто: народу надо разрешить в этот день есть. Но чтобы он прочувствовал свое счастье, такому разрешению обязательно должен предшествовать период запрета почти на всякую еду.

В церкви это называется постом. В цирке (при дрессировке белых пуделей, лам, тюленей и пр.) тот же метод именуется красивым термином «выголодовка». То есть если на пару недель законодательно прикрыть все супермаркеты, рынки и продуктовые магазины, а 24 мая открыть, то День славянской письменности станет настоящим событием.

Другого способа привить к нему искреннее отношение и сделать «особенным днем», увы, вероятно, не существует. (Это касается и «согласия-примирения», «свободной России» и т. д.)

Но и этот трюк с гастрономами при наличии политической воли, что называется, «осуществим».

Хуже другое.

Бедный Кремль под влиянием забавной имперской идеологии, кажется, всерьез решил «опираться на большинство». Это «большинство», конечно, очень соблазнительно своей покорностью. И каждая опиравшаяся на него власть всегда была всерьез уверена, что это большинство покорно именно ей. Так полагал Николай II (Кровавый), так думал ГКЧП, Карл I (Английский), Людовик XVI и прочие любители «поопираться на народ». Все они всерьез полагали, что большинство так покорно и надежно именно потому, что «выбран верный курс», сделана «ставка на фундаментальные ценности», «традиции» и т. д. Осознание того, что это большинство — просто покорное, без особой разницы, кому, приходило монархам и правителям на эшафоте, в камере или в подвале, когда что-либо менять и делать ставку на все и определяющее агрессивное, хитрое и креативное меньшинство было уже поздно.

Быть может, наивный Кремль сбивает с толку наличие хулиганистых «правых активистов»?

Или он решил, что это и есть бунтари и экстремисты?

Избили дровками своих хоругвей девчонок? Сорвали футболочку? Разгромили музей?

Но не надо подозревать в чем-то «плохом» этих мальчиков, это не экстремизм, это способ «вытянуться во фронт до хруста в позвоночнике»; это не буза, а как раз высшее проявление покорности — умение сразу месить ногами того, на кого косо взглянуло начальство. Сменится начальник — сменится тенденция, и бывшие «православные активисты» с не меньшим воодушевлением будут сдергивать с попов рясы и отрывать накладные усы ряженым казачкам.

Впрочем, народная хамоватость и злоба — неизбежное следствие военно-патриотических забав и пропагандистского дилетантизма. Можно тысячу раз повторить слово «Суворов», но что и кто сегодня может быть воспитан на этом примере? Заметим мимоходом, что ответом на «подвиги» Суворова в Европе, когда он полностью, с

детьми и женщинами, вырезал предместья восставшей Варшавы, сегодня были бы резолюции всех трибуналов мира, полная изоляция и ковровые бомбардировки объединенными силами НАТО всего пространства «от финских хладных скал до пламенной Колхиды». А уж как мы умеем отвечать на военные проблемы современного типа — показала Чечня.

Суворова, как и прочие архаичные комиксы, вроде радонежских, невских, пересветов, пожарских, кутузовых и пр., надо было бы оставить историкам, которые умеют с ними обращаться бережно и аккуратно, пользуясь пинцетами, в резиновых перчатках. Но откопанные на исторической свалке имперские лохмотья, в которые так упорно драпируется нынешний Кремль, никогда не позволят отказаться от этого компонента пропаганды, так как она является основной питательной средой имперства.

Впрочем, возможно, кремлевцы просто не знают, что небольшие аккуратные хоботы пойдут им гораздо больше, чем мрачные обноски XIX века. Вероятно, пока они не задумывались о всех преимуществах этого аксессуара Ганеши и о том, что у них наконец появится возможность «брать», сохраняя руки совершенно чистыми.



## Конец света в деталях

Чем ближе 21 декабря, тем ощутимее общественный оптимизм по поводу грядущего уничтожения человеческой цивилизации и земной жизни в целом. О конце света иначе как со сладострастным потиранием ладошек даже и не говорится. Публика в предвкушении.

Оптимизм понятен.

Светопреставление, глобальное мирокрушение — это, конечно, очень привлекательное разрешение многих общественных и личных проблем, от коррупции до целлюлита. Более того, у этого события есть реальный шанс наконец объединить всех россиян, смешав их атомы.

Впрочем, высказываются и обоснованные опасения, что на общем фоне российской действительности конец света окажется не слишком заметен.

Это беспокойство тоже понятно.

И в целом оправданно.

Но опасения реалистов зашикиваются оптимистами, предвкушающими полноценную планетарную катастрофу.

Оптимисты упоенно предаются самозакапыванию, бункерированию, личному и корпоративному капсулированию, обустривают погреба и подвалы, мастерят из старых бидонов семейные звездолеты.

Корпорация «Роскосмос» подходит к делу более реалистично. Не секрет, что именно ей доверено спасение высших лиц государства. Но, учитывая среднюю высоту подъема освященных российских космических аппаратов, которая сегодня не превышает уровня колокольни, для эвакуации с гибнущей Земли лидеров нации решено применить испытанные временем батуты и катапульты.

Странную надутость, диссонирующую с общим оптимизмом, демонстрирует РПЦ. Но, как выясняется, эта надутость имеет под собой все основания.

Дело в том, что СМИ преступно молчат, не сообщая важных подробностей предстоящей катастрофы. Поэтому у населения складывается неоправданно жизнерадостная картина; конец света предполагается «чистенький и спортивный», в режиме мгновенного

«схлопывания» по Хокингу или же моментального засоса нашей планеты в ближайшую черную дыру Вселенной. Никто якобы даже ничего почувствовать не успеет, и лишь в ближайших галактиках (как память о земной цивилизации) будут порхать обгорелые анкеты на вступление в «Единую Россию».

Но все это, мягко говоря, не так.

Сценарий глобального бедствия, как известно, прописан древними майя, а наши оптимисты плохо представляют себе специфику проведения конца света по их технологии.

Увы, безболезненная и мгновенная гибель нам не светит.

21 декабря уничтожать земную цивилизацию, хамить и погромничать будут боги Древней Мексики, то есть истеричный Тескатлипока, Ицамна с телом ящерицы, пожиратель сырых человеческих сердец пернатый Кукулькан, похотливый Тельпочтли с раскаленным пенисом длиной в 885 локтей и прочие члены майя-ацтекского пантеона.

Божества, представляющие другие культы, до участия в погромах допущены не будут, но для них заготовлено 248 тонн попкорна и бинокли. Это, впрочем, хорошо известно из пророчества преподобного Пигидия, гласящего:

«Боги с кошачьими и птичьими ликами воскормят нас зернами, проваренными в раскаленном елее; и дадут они нам колдовские очи из стекла и железа, дабы созерцали мы гибель миров без приближения к творящейся геенне и не опаляли бы бород своих».

Сие обстоятельство объясняет причину пессимизма РПЦ и ее невовлеченность в общественное оживление по поводу конца света.

Конечно, 21 декабря особенно обидно будет так называемым верующим христианам. Они регулярно и аккуратно «отстегивали» одной группировке божеств, но другая (древнемексиканская) оказалась настолько круче, что даже на канонической православной территории собралась устроить конец света по своему вкусу, лишив верующих нормального апокалипсиса, то есть окраски морей в цвет крови, шествий мертвецов, поющих ангелов, горячей серы и других обещанных церковью спецэффектов. Христианский вариант, конечно,

был бы повеселее, а в чем-то даже сценичнее, но, увы: судя по ожидаемой всеми дате глобальной трагедии, на конкурсе «концов» явно победил майя-ацтекский проект, предполагающий истребление всех форм жизни группировкой богов Древней Мексики.

Их извращенные нравы, их дикие методы хорошо известны. Понятно, что ничто их не остановит; Кремль будет растоптан чешуйчатymi ногами старого Ицанны, а пирамиды из вырванных сердец поднимутся выше Останкинской башни. С отвратительным шипением похотливец Тельпочтли будет нанизывать на свой раскаленный пенис тысячи россиянок зараз, а уставшие держать небо братья-боги Бокабы будут ронять его оземь, расплющивая обезумевшие бегущие толпы...

Тут возникает вполне резонный вопрос: надо ли весь этот бред воспринимать всерьез?

На него возможен только один ответ: исходя из реалий современной госидеологии РФ, включающей в себя уроки «Основ православной культуры» в школах, перепрофилирование МИФИ в пономарское училище, очереди к поясу древнееврейской дамы и толпы костюмированных бородачей в телевизоре, представляющихся доверенными лицами древнееврейского бога, — весь этот древнемексиканский бред принимать всерьез, конечно же, нужно. А его неприятие (по любым причинам) есть верх неблагонадежности, оскорбление чувств верующих и чуть ли не уголовное преступление.

Ведь мифологема, украшенная перьями, принципиально ничем не отличается от мифологемы в нимбах. Допуская существование одного из богов, странно было бы сомневаться в реальности всех остальных божеств, давно известных человечеству и уже принявших тысячи лет поклонения.

Ведь, строго говоря, мистическая коалиция сладострастников, погромщиков и любителей сырых человеческих сердец мало чем отличается от богов всех прочих религий, включая и библейскую. Христиане не отрицают акта неизбежного светопреставления, настаивая лишь на том, что он должен быть совершен по их рецептуре.

По сути, различия касаются только даты проведения данного шоу да мелких нюансов умерщвления человечества: массовые убийства должны совершить штатные архангелы, а не головорезы с лицами ягуаров.

Принципиальных же расхождений в вопросе о необходимости глобального террора, уничтожения целых народов, государств и экосистемы Земли в целом у христиан и поклонников Тескатлипоки нет. Оба культа категорично настаивают на том, что «высшие силы» должны произвести операцию массового забоя людей.

У христиан эти грезы задокументированы в известном фрагменте их священного писания — в так называемых Откровениях Иоанна Богослова (Апокалипсисе), а у майя-ацтеков — в их затейливой мифологии.

Надо сказать, что эти религии вообще имеют очень много общего. Удивительно, к примеру, сходство христианского и древнемексиканского ритуала «причастия».

Смысл его, как известно, в том, чтобы дать верующим коллективно откусать мяса своего бога. Мясо бога волшебным образом производится жрецами из булки и имитатора крови (у христиан это вино, а у майя-ацтеков — свекольный сок). О христианском причастии известно достаточно, а вот майя-ацтекский ритуал знаком нам мало, хотя подробно описан классиком антропологии Дж. Джорджем Фрезером:

«В мае месяце мексиканцы устраивали главный праздник своего бога Витцилипутцли. Девственницы перемешивали свеклу с маисом и, залив эту смесь медом, лепили из нее фигуру, вставляя вместо глаз стеклянные бусинки, а вместо зубов — большие маисовые зерна».

Затем фигура божества «убивалась» и расчленялась, образовавшиеся куски

«...носили название мяса и костей Витцилипутцли. Эти куски употреблялись для причащения и давались сперва знати, а потом всем остальным мужчинам, женщинам, детям, которые принимали их со слезами, трепетом».

Точно такая же процедура венчала и культ другого бога — Гуитцилопотчли, с той лишь разницей, что субстанция для изготовления его фигуры замешивалась на детской крови.

Научное религиоведение полагает, что и христиане, и майя (независимо друг от друга) заимствовали обряд из самых древних образцов брахманизма. Впрочем, это милое сходство мало касается собственно конца света, зато намекает нам на необходимость уважительного отношения и к богам Древней Мексики, и к тому произволу, который они собрались учинить 21 декабря на территории Российской Федерации.

Кетцалькоатль, Ицамна, Витцилипутцли — это ведь тоже боги.

Примерно такие же, как и те, что через своих жрецов, через прокуратуру и Госдуму сегодня настаивают на всеобщем уважении к себе и своему культу.

Возможно, обнародование мною этих подробностей несколько усугубит общественную истерику по поводу конца света.

И это прекрасно.

Пусть публика в трепетном ожидании свирепых богов Древней Мексики еще глубже копает бункеры, пусть платит за личные титановые капсулы, пусть мастерит огнеупорные «ковчеги».

Идиотизм, как известно, это очень дорогое удовольствие, а невежество должно причинять хоть какое-то неудобство тем, кто в России XXI века культивирует его с такой мексиканской страстью.

## Кровавые мальчики Кремля

Кремлю наконец-то нашлось занятие.

Теперь он проектирует и мастерит для нации духовные «скрепы». По мысли кремлевцев, именно патриотика восстановит производства, наладит космическую отрасль и животноводство. Но непокорная патриотическая идея потеряла всякую управляемость и на глазах превратилась в маргинально-черносотенный маразм, лишь усиливающий общественный раскол.

Впрочем, Кремль всегда любил побаловаться «скрепами».

Возьмем, к примеру, 1606 год.

Тогда возникла потребность в новом духовно-патриотическом событии, способном все решить и всех объединить. Таковым, с точки зрения царя Василия Шуйского и патриарха Гермогена, могла бы стать канонизация зарезанного в 1591 году царевича Димитрия Углицкого.

Но единственным аргументом за его причисление к лику святых могла быть «нетленность» его тела. Посланные в Углич подручники Шуйского и Гермогена вскрыли захоронение Димитрия и, разумеется, обнаружили там нечто, по меркам «нетленности», совершенно некондиционное.

Но канонизация должна была состояться во что бы то ни стало. Чтобы она имела аншлаг и законность, публике должно было быть предъявлено именно нетленное, свеженькое (несмотря на 17 лет пребывания в могиле) тельце царевича.

Оргкомитет призадумался, но без особого труда решил эту проблему.

Надо сказать, что, изготавливая скрепу, Шуйский и св. патриарх Гермоген продемонстрировали настоящую православную смекалку:

«Достали отрока моложе 10 лет, а именно Ромашку стрелецкого сына, заплатили отцу хорошую сумму и, зарезав этого отрока, нарядили его в царские одежды и уложили в гроб. Гроб был открыт для созерцания очень недолго, ровно до того момента, пока в теле свежезарезанного мальчика не

начались процессы разложения, но публику удалось убедить в нетленности и “умилить чрезвычайно”». [3]

В 1606 году канонизация удалась на славу, острота патриотических ощущений была необыкновенной, «созерцая восторг народный, плакали от умиления даже сами затейники, знавшие всю подоплеку события», но «скрепа», как всегда, не сработала — и вскоре Смута порвала Россию в мелкие клочья.

История с подменой тела, разумеется, быстро всплыла и добавила масла в огонь.

Таких примеров мы знаем множество и каждый раз убеждаемся, что «скрепы» скрепами не являются и, увы, ни черта не скрепляют. Горький опыт мог бы научить, что на таком гнилом фундаменте, как старая история России, здание национальной идеи строить невозможно, а без опрокидывания традиций, без разумного неуважения к прошлому, невозможно, увы, и развитие.

Ведь традиции требуют уважать «тысячелетние верования народа», правда, не уточняя, что все эти верования были уделом преимущественно безграмотных и забитых рабов, то есть «людей крепостных и дворовых». А сегодняшняя публика, насмотревшись на себя в «священные» кривые зеркала прошлого и традиций, начинает так коверкать свою собственную физиономию, чтобы и в реальности походила на ту жуть, что она видела в зеркале.

(Зрелище, конечно, забавное, но, судя по физиономиям передовиков этого занятия — депутатов ГД, — несколько антисанитарное.)

Еще одним ресурсом, на который возлагались воспитательно-патриотические надежды, была русская художественная литература.

Но совсем недавно стало понятно, что национальная словесность (как и все на свете) имеет свой срок годности, который, по всей видимости, подошел к концу. Ее смыслы остались в далеком прошлом, а лишенная содержания форма выглядит нестерпимо пафосно и архаично.

Вполне возможно, что в ком-то из очень взрослых современников она еще «теплится», но выросло уже третье (как минимум) поколение, совершенно свободное от ее влияния и очарования.

Более того, эти новые поколения вообще никак не воспринимают русскую литературу. Ни как властительницу дум, ни как развлечение.

По этому поводу можно рыдать, угрожать, скандалить, продолжать морочить себе головы пафосной риторикой, но реальность от этого не поменяется; нет на свете силы, которая была бы способна увлечь новые поколения нюансами межполовых игр дворянства XIX века или душным «богоискательством».

Данная ремарка не имеет ничего общего с призывом сбросить русскую литературу с «корабля современности».

Нынче вопрос стоит лишь о том, как продлить национальной словесности хотя бы формальное, вегетативное, чисто сувенирное существование. Считается, что у народа обязательно должна быть хоть какая-нибудь, да литература. Пусть уже никому не нужная, утратившая обаяние, смысл и способность интересовать, но она должна быть. (К тому же она еще иногда пригодна как сырье для изготовления телевизионного «мыла».)

Говоря языком реаниматологов, сегодня речь идет о «мощности инфузионного насоса» и «наркозно-дыхательного аппарата», а не о «сбрасывающем» пинке в зад. Под «дыхательными контурами» и «дефибрилляторами» милая старушка сможет храниться долгое время и быть открытой для посещения заплаканными родственниками (читай — литературоведами). Те всегда смогут «поправить простынку», «потискать синеющую безответную ручку», то есть совершить все полагающиеся при посещении «овощной палаты» ритуальные действия.

В истечении срока годности русской литературы нет ничего загадочного. Время и полное изменение реальности всегда безжалостно к сочинениям, особенно к перегруженным идеологией.

Простой пример — Достоевский.

Как мы помним, именно его черносотенцы упорно объявляли своим кумиром и вероучителем. Они оказались абсолютно правы — иной аудитории у него практически не осталось. Правда, даже для них этот религиозный фанатик XIX века, крепко настоянный на эпилепсии и педофилии, чересчур «заборист», и при сегодняшнем «употреблении внутрь» разбавляется различными «о. менями».

Это опять-таки не означает никаких «сбрасываний» Достоевского, но указывает настоящее его место — в свечных ларьках, рядышком с



«Журналом Московской Патриархии» и двуглавыми матрешками. С него можно сдуть пылинки, как с экзотического сувенира, но вот интерес к нему сложно пробудить даже таким проверенным способом, как ворошение старых пикантностей.

Бесполезно вспоминать маленьких крестьянских девочек, которых генератору православной духовности возили в баню для педофильских забав. (Об этом откровенно пишет в письме к Л. Толстому личный биограф Достоевского Страхов.)

Уже никогда больше не станет скандалом и трезвый пересказ его биографии.

Конечно, мы помним, что арестован и приговорен Достоевский был за атеизм и вольнодумство. Понимаем, что ужас приговора и каторги, по всей вероятности, «сломал» его и научил никогда больше не ходить «за флажки». Этот же страх сделал Достоевского главным соловьем режима, заставил жить и писать так, чтобы ужас Семеновского плаца никогда не повторился в его личной истории.

В своей верности православному тоталитаризму Достоевский, конечно же, забавно лез из кожи вон, но его можно понять и простить — залы казино уютнее каторжных бараков.

Можно привести и еще множество имен и примеров, но все факты, мысли и обстоятельства (даже самые скандальные) уже не разбудят былых страстей по русской литературе.

По одной простой причине — срок ее годности истек.

Ожидание же патриотических плодов на религиозном древе отсылает нас к известной сказке про Буратино и поле в Стране Дураков.

У путинского режима множество коварных недоброжелателей, которые рано или поздно подточат его, а возможно, и опрокинут.

(Увы, вечных режимов, как известно, не бывает.)

В этом случае православие, которое уже накрепко переформатировалось в официальную «патриотическую» идеологию данного режима, будет зачищено, вероятно, еще тщательнее, чем в 20-х годах XX века.

Причем обойдется без полетов попов с колоколен. Потребуется совсем немного: разрешение новой власти поделить церковный бизнес меж заинтересованными лицами.

Сегодня от банального передела эту сверхдоходную отрасль спасает только Кремль, держащий подходы к ней под прицелом. В ту секунду, когда власть усталым жестом сунет маузер в кобуру и отвернется, недавнее пророчество преподобномученика Станислава (Белковского) сбудется — и отрасль растащат.

Понятно, что часть граждан разбредется по сектам открывать себе «третий глаз» или встанет в пятикилометровую очередь к поясу, но уже Елены Блаватской. (Пояс с чулками известной эзотерички ждет своего часа, чтобы быть предъявленным поклонникам тонкой духовности.)

Все будет в порядке.

Невежество, как известно, всегда будет искать и находить религиозное утешение. Разумеется, разбредшееся по сектам население станет чуть менее управляемым, но это (малоинтересная нам) проблема власти.

Ничего особенного не произойдет.

С. Радонежского просто сменит Г. Трисмегист, а И. Кронштадтского — какой-нибудь Кришнамурти или вообще Папюс.

Этот факт тоже не стоит драматизировать, так как нет никакой принципиальной разницы, от какого именно «коктейля» наступает нужная степень религиозного опьянения. Все будет в порядке, священное право народа на оболваненность будет сохранено и соблюдено в полном объеме.

А благодарный народ любит и умеет умиляться. Особенно маленьким консолидирующим мертвецам, которых по старой патриотической традиции так вовремя и так эффектно умеет подложить ему власть.

Проблема в другом.

Согласно той же традиции, это умиление не бывает долгим.

## Ягодичный зуд патриотизма: зов смуты

Одним из самых деликатных, но и ключевых вопросов по-прежнему остается вероятность очередной революции в России. Чертовски любопытно, как поживает наше древнее проклятие — слепая и отчаянная смута, периодически разрывающая русскую жизнь в клочья? Началось ли уже ее движение вверх из глубины той исторической бездны, где она имеет обыкновение дремать век-другой?

Судя по множеству примет — это «движение» все же началось и Россию ожидают сюрпризы.

Дело даже не в пещерности нашего общественного устройства, не в абсурдной прогрессии господоров и количестве иждивенцев, которых каждый россиянин теперь вправе вписывать в свою налоговую декларацию. (В графе «иждивенцы» можно смело и пофамильно указывать весь состав правительства, Госдумы, Совфеда, РПЦ, а также бесконечных астаховых-милоновых.)

И даже не в том, что гротескный босховский наборчик из «лаховых-исаевых-чаплиных и т. д.» уже десантировался с полотен старого голландца, захватил современную реальность и начал ее корезить, переделывая под родную для себя средневековую фантазмагорию. Зашкаливающая карикатурность чиновничества — это лишь первые малые пузырьки, лишь примета шевеления исторических бездн, расступающихся под напором вздымающегося из них монстра революции.

Этот фактор, как я уже сказал, не следует переоценивать. Опасность в другом.

Следует помнить, что наша революция отличается от любой другой своей исключительной легкостью и выгодностью. Есть и еще один неприятный секрет русской смуты. Дело в том, что она в принципе конструктивна.

Последнее время понятия «смута» и «революция» принято употреблять только в негативном смысле. Вряд ли это справедливо, учитывая большой «социально-гигиенический» и тонизирующий потенциал этих явлений. Заклинания о том, что некий «лимит на революции для России уже исчерпан», и вовсе бессмысленны. Они

равноценны забавной попытке противопоставить молитвы закону гравитации.

Ведь революция — это острое социальное или идейное воспаление, возникающее естественным и неотвратимым образом. Оно детерминировано, как и все в этом мире. Оно не подчиняется ничему, кроме себя самого и дрожания тех бездн боли, страха, обид, разочарований и злобы, которые его порождают.

Забавны предположения, что подобные процессы останавливаются пулеметами. Это не так. Не останавливаются. Николай II (Романов) не зря заслужил звание «Кровавого», в упор расстреляв наивную русскую толпу, но дети, братья и отцы тех, кого он с таким шиком размолотил из трехлинейек и пулеметов в 1905-м, с ним все равно поквитались в 1917-м, попутно испепелив и все вокруг. По общим итогам этого происшествия Николай был номинирован на ниб, а покрошенные его пулеметами тетки и детишки с иконками забыты «яко же не бывшие».

Как показывает опыт, русская революция неприхотлива. Все, что ей нужно для начала, — это парочка зажигательных идей и что-нибудь политически огнеопасное. Например, глобальная общегосударственная ложь, возведенная в догму. Как мы могли наблюдать в 1917-м, наилучшим образом революционное пламя распространяется по имперско-патриотическим конструкциям.

Почему?

Дело в том, что именно их всегда возводят из легко разоблачаемого вранья, вспыхивающего от малейшей искры. А завалы вранья этого типа в сегодняшней России чрезвычайно велики и с каждым днем приумножаются (как мы только что могли наблюдать на примере с Николаем II и его Кровавым воскресеньем).

Так называемая русская государственность, предлагаемая нынче как идеал и объект страстного ностальгирования и подражания, была возможна только при условии того, что 65 % населения находилось в абсолютном рабстве, а сама Россия была тоталитарным государством, основанным на рабовладении и работорговле. (С 1741 года для крепостных была отменена даже присяга царю, что являлось прямым свидетельством перевода 30–35 миллионов человек в разряд обычного говорящего скота, полностью изолированного даже от номинальных гражданских ритуалов.)

Мы помним главный страх 1812 года, так хорошо сформулированный Н. Н. Раевским:

«Одного боюсь — чтобы не дал Наполеон вольности народу».

Тогда русское правительство готовилось воевать на два фронта, усиливая в ожидании народных бунтов гарнизоны в уездах и губерниях.

От Наполеона ждали манифеста о крестьянской вольности, который без сомнения поджег бы Россию со всех концов, ибо даже в предвкушении его в имениях князя Шаховского и Алябьева «крестьяне вышли из повиновения, говоря, что они нынче французские».

Из Смоленской, Тверской, Новгородской губерний сообщалось, что «крестьяне возмечтали, что они принадлежать французам могут навсегда».

Витебский губернатор доносил в комитет министров, что «буйство до того простирается, что крестьяне стреляли по драгунам и ранили многих».

Но Наполеон не воспользовался тем козырем, который гарантировал бы ему легкую победу, а России — поражение и крах. (Вероятно, он не захотел делить славу с полуживотными, как тогда воспринимались в мире русские крепостные.)

Наивный миф о «дубине народной войны» развенчивается одной простой цифрой: специальной «крестьянской» медалью «За любовь к отечеству», учрежденной Александром I по итогам войны 1812 года, было награждено... 27 человек.

Специфическая русская воинская традиция — при отступлении бросать на поле боя своих тяжелораненых — связана не с какой-то испорченностью или особой бесчеловечностью русских, а лишь с тем, что и солдат всегда был лишь говорящим скотом, рабом, потеря которого легко восполнялась через рекрутчину. Это касается не только Бородинского позора, когда армия Александра I, отступая, побросала своих раненых на самом поле и в Можайске.

В 1799 году красавец Александр Васильевич Суворов во время альпийского похода без малейших колебаний оставлял своих

тяжелораненых «чудо-богатырей» замерзать меж заснеженных валунов Роштока и Сен-Готарда.

Удивительная дешевизна русского солдатского мяса была не только залогом имперских побед, но и причиной возникновения тех славных традиций, отголоски которых сегодня мы видим и в дедовщине, и в сказочной легкости пуска «под нож» толп желторотых «срочников», как это мы недавно могли наблюдать на примере Майкопской бригады.

(Конечно, идеологию не следует мастерить из такого уязвимого, дешевого материала, как казенный патриотизм, но век за веком власть оказывает революции услугу, повторяя свою ошибку.)

Говоря о возможных движущих революцию силах, не следует сбрасывать со счетов и ее эффективность как способа существенного личного обогащения. Помним, что даже камерные смуты 1991 и 1993 годов породили плеяды и династии олигархов. Так что участие в русской революции (на первый взгляд) может стать недурным бизнес-проектом.

Исходя из вышесказанного, возникает закономерный вопрос: следует ли примыкать к «белоленточникам»?

Наверяд ли.

И дело даже не в их «норковости», анекдотичности и декоративности. Следует помнить, что «первая волна» революционеров, как правило, гибнет или надолго садится. Конечно, не стоит им особо мешать и подставлять ножки. В конце концов, пусть отработают свое и «заполнят крепостные рвы своими телами». Благодаря им у второй волны появится некоторая почва под ногами. А о первой волне не стоит и беспокоиться. История с ними потом рассчитается; 20–30 лет каторги, веревка или смерть в застенках прекрасно компенсируются бюстиком в краеведческом музее.

(У второй волны судьба тоже редко бывает завидной, но вот «гонорары» обычно повыше: их именами называют небольшие улочки.)

Следует помнить, что наши «первая» и «вторая» волны аффицированы на неприязни к Путину, как будто бы дело в нем, а не в исторической порочности всего государственного устройства в целом, которое наследует страна, несмотря на смену названий и госсимволики.

У тех, кто искренне считает Путина диктатором, тираном и негодяем, представления о диктаторстве, тиранстве и негодяйстве, вероятно, отличаются некоторой незрелостью и наивностью. Полагаю, и для него сегодняшняя картина очевидна и мучительна в высшей степени.

Еще одним важным фактором, который магически-провокативно действует на монстра из наших глубин, является тот, который я условно обозначил бы как «ягодичный».

Пожалуй, он является столь же могучей приманкой для революции, как и завалы из лжи.

А именно сегодня мы видим, в какой тоске десятки тысяч ягодиц тянутся к трону. Воспитанный столетиями истории, загвожденный в национальную культуру «рефлекс рабства», то есть привычка быть поротыми по четвергам или субботам, тоже жаждет своей реализации, что подтверждается общественными грезами о Сталине.

Играет холопская кровь, крепостные устали ждать порки. Они готовы на все — лишь бы пороли вовремя. Мы видим четкую стратификацию общества на тех, кто со спущенными штанами, лучась от предвкушаемого счастья, уже занял очередь в людскую, и на тех, кто зуда в ягодицах не испытывает.

Конечно, если публика так хочет тоталитаризма и тирании — она имеет право реализовать свой рефлекс рабства. Но для этого придется поменять президента.

Путин, при всей его негламурности, жесткости и «чекизме», добровольно в диктаторы не пойдет никогда. Будет ли он сам, в отместку за свое упрямство, перемолот жерновами истории России — большой вопрос.

Скорее всего, да.

Жернова, разумеется, заскорузли от грязи и крови, что, впрочем, не убавило их способности вращаться и перемалывать. Только мало кто знает, что звук этих жерновов является для нашего монстра сигналом всплывать быстрее.

## Отставка господ бога

На днях Государственная дума «обрывала последние лычки» с кителя господ б. Она, по сути, констатировала тот факт, что данный персонаж дошел до последней степени дряхлости и теперь нуждается в опеке.

Понятно, что старость не радость, что пенсионный порог существует не только для людей. Но обставить процедуру отставки и установления опеки можно было деликатно, с соблюдением хоть каких-то приличий.

Пригласить народных артистов.

Заказать торт.

Вручить Госпремию, на худой конец.

А депутаты ГД в своем проекте закона «О защите чувств верующих» походя, небрежно опустили бедолагу, констатировав его полное нынешнее бессилие.

Из документа явствует, что бог беспомощен не только по части возмездия всяким кощунникам-кресторубцам, но даже и в деле защиты своей собственной фан-группы, то есть тех лиц, которые послушно целуют руки толстым мужчинам, правильно стучат лбами в полы и покупают свечки.

Из нового закона понятно, что бог, ввиду очевидной неспособности к выполнению различных карательных и защитных функций, необходимых для поддержания престижа почти государственной религии, нуждается в специальной опеке, а большую часть его полномочий следует передать депутатам, полиции и ФСИН.

Говорят, во время заседания он жмурился и втягивал голову.

А ведь как молодецки начинал когда-то!

Почтенную еврейскую даму, лишь посмеявную взглянуть, как горит ее дом, мгновенно превращал в мертвый соляной столб.

Заживо сжигал раскаленной серою целые города.

Одним взглядом сушил высокие смоковницы.

Успешно насылал проказу.

В водах всемирного потопа эффектно топил миллионы людей и вообще любил побаловаться массовыми убийствами, не разбирая пола



и возраста.

Вспомним, с какой непринужденностью он перебил всех египетских грудничков.

Вспомним, что стоило глупым древнееврейским пацаньям обозвать его доверенное лицо (Елисея) «плешивым», как бог тут же спустил на них медведиц и те в клочья разорвали сорок два маленьких кощунника.

Вообще, даже среди своих небесных коллег, которые и сами любили пошалить с молотом или шархнуть молнией, данный персонаж был известен как бог быстрого реагирования. А уж прямые кощунства или посягательства на свою фан-группу и ее аксессуары он пресекал немедленно, круша, сжигая и насылая эпидемии, бедствия и войны.

Как видим, со временем все изменилось, что и зафиксировано теперь в известном документе ГД, уже принятом в первом чтении. Единственное, что не вполне ясно из этого закона, — так это судьба самого бога: встанет ли он швейцаром к думским дверям или депутаты отделаются от него талонами на двукратное посещение своей столовой?

(Высказывалась идея пристроить его в РПЦ пономарем на периферию, но, как стало известно, в данной конфессии предусмотрена только одна штатная единица «бог», и та занята с 2009 года.)

Впрочем, надо признать и некоторые (малосущественные) недостатки данного документа. Свидетельствуя о недееспособности бога, закон может существенно затруднить миссионерское служение церковников. Ведь главная обязанность миссионера — это реклама тех услуг, которые могут быть качественно и быстро оказаны богом в ответ на передачу определенных сумм его полномочным представителям. Торговать же услугами думского швейцара, конечно, будет труднее. Даже если ему выдадут казенное обмундирование и положат приличный оклад.

Впрочем, эту проблему можно решить, повысив уровень проповеднического мастерства и сам «градус» проповеди.

Это несложно.

Надо лишь обратиться к опыту наиболее развитых (по сравнению с РФ) сообществ и культур. Можно, к примеру, перенять опыт

народности мурси, живущей на северо-востоке Африки, в долине реки Маго. Их дэби давно является признанным образчиком духовности и верности национальным традициям.

Поясняю.

Дэби — это деревянная тарелка большого диаметра, которая вставляется местным дамам в нижнюю губу. (Успешность размещения обеспечивается прорезкой губы в раннем возрасте и ее постепенным растягиванием.) Путешествуя или совершая официальную визитацию, дамы долины Маго не вставляют дэби, но настоящую мурсиянку даже без тарелочки легко узнать по длинной червевидной петле, свешивающейся от нижних зубов до ключиц, то есть по ее губе. Мурси уверены, что дэби, являясь символом черепахи Абуль, обеспечивает им связь с супругом черепахи — богом Какиламбе.

Впрочем, тех, кто носит тарелочку из соображений сильной веры в Абуль, сравнительно немного. Есть, конечно, радикалы, украшенные татуировками «тарелочка или смерть», но большинство мурси считают дэби своим национально-культурным идентификатором, который позволяет легче выклянчивать у туристов конфеты и зажигалки.

Классики антропологии, правда, предлагают иную версию происхождения этой милой традиции, никак не связанную со всемогущей черепахой.

По мнению Ратцеля и Тэйлора, обременение нижних губ мурсиянок тарелкой изобрели в XIX веке их мужья для того, чтобы затруднить своим дамам мимолетные орогенитальные контакты с колонизаторами (белые одно время были крайне любопытной редкостью на северо-востоке Африки).

Но в долине Маго версия антропологов считается кощунственной и расценивается как оскорбление духовных скреп племени и основ его веры.

С негодованием реагируют мурси и на любые попытки объяснить им, что без тарелочек в губах они станут симпатичнее. Услышав такое, разъяренные мурси устраивают молитвенные стояния вокруг самого большого термитника в долине.

Верховный жрец, забравшись на его вершину, традиционно подставляет свои тестикулы под укусы термитов. (Это доводит его проповедь до нужной степени иступления.) Племя же хором молится о сугубом потоптании кощунников носорогами и страусами.

Коллективный припадок духовности обычно завершается сбором крестиков под заявлением на имя главного егеря долины. В заявлении мурси требуют защитить их религиозные чувства от всех, кто посмел смеяться над тарелочками в губе и всемогуществом черепахи Абуль.

Есть в долине Маго и прекрасные образцы искусства проповеди и истинной веры. Тщательно сохраняется память о верховном жреце Киллире, которому во время великого стояния на термитнике злые насекомые начисто отгрызли одну из тестикул, но Киллир не прервал танца и молитвы о потоптании вольнодумцев. В память об этом подвиге веры жители долины Маго раз в год красят страусиные яйца в красный цвет и с силой разбивают их о головы друг друга. Следует отметить, что среди мурси нет атеистов и русофобов.

Как видим, российским миссионерам есть где поучиться способам подъема национальной духовности.

И есть у кого.

Впрочем, если отвлечься от этих благочестивых грез и метафор, то надо все же признать, что достоинства нового закона ГД превышают его маленькие и легко устранимые (при помощи простых термитов) недостатки. Свою основную функцию — полностью оградить РПЦ от любого обсуждения и критики — он, безусловно, выполнит.

Он воздвигнет вокруг РПЦ непроницаемую для СМИ стену, позволив торговцам духовностью без всяких помех пересчитывать денежки, отжимать у онкобольных квартиры, надевать по пять «брегетов» и в засос целовать свои «Лексусы» прямо в решетки радиаторов. Стыдливо стирать с этих решеток кровь каких-нибудь дорожных рабочих уже не будет никакой необходимости. Любые упоминания о жадности, хамстве и бесчинствах попов будут классифицироваться как оскорбление религиозных чувств.

Теоретически такие упоминания будут возможны, но они будут обходиться в «пятерочку», и желающие быстро переведутся. Корпорация РПЦ, которая (через группу верных чад своих) инициировала и неплохо стимулировала создание и принятие закона, выдохнет и займется своими безналоговыми сверхприбылями, окончательной ликвидацией всяких там астрономий-биологий в школах и расширением рынка магических услуг для стремительно глупеющего населения.

Есть, правда, одна пустяковая загвоздочка.

Для удобства применения закона «об оскорблении чувств верующих» понятие «верующий» придется несколько формализовать.

Гражданин, чьи чувства будут оскорблены, будет вынужден доказывать, что он «верующий».

А то где же гарантия, что его оскорбленность и его «вера» не есть кривлянье, втайне смешное ему самому? Следовательно, нужен какой-то тест, безошибочно доказывающий наличие у гражданина религиозной «веры».

Такой тест существует.

Он детально описан в той самой книжке, каждое слово которой является истиной для всех покупателей свечек и долбителей лбом об пол, то есть в Евангелии — от Матфея (гл. 17, ст. 20) и от Марка (гл. 16, ст. 18).

Там однозначно прописано, что тот, кто имеет хотя бы малую крупицу «веры», легко сможет передвигать горы, пить яды и возложением рук лечить самых тяжелых больных.

Пример демонстрации наличия «веры» должен подать, вероятно, главный автор закона «Об оскорблении чувств верующих».

Кажется, его фамилия — Нилов. Не будем утруждать гражданина Нилова передвижкой гор или выпиванием яда. Пусть прикосновением своих депутатских рук всего лишь исцелит онкологического больного. Прямо на трибуне Думы. Согласно Евангелию, при наличии «веры» это так просто.

Нет сомнения, что пламенный Нилов без труда пройдет евангельский тест и не позволит нам считать, что все, что он говорит и делает, есть обычное кривлянье, имеющее целью повысить сверхприбыльность и безнаказанность подрядившего его концерна.

## Мука блаженного Офшория

Извлеченный из глубин Средневековья «закон» о «чувствах» наконец прошел гигиеническую обработку. Создатели «новой русской духовности», прежде чем спустить закон на публику, соскребли с него часть паутины и слизи, а также помыли ему клыки и морду, попачканные кровью всяких богохульников типа Джордано Бруно. Но суть «закона» ничуть не поменялась.

Любое публичное свободомыслие он трактует как преступление.

И он голоден.

Конечно, появление «закона» о «чувствах» доказывает, что миссия православия опять провалена, а все его «возвышенные» смыслы давно девальвировались.

Мы видим, что без нагаек, штыков, штрафов, «сроков» и иной полицейщины учение христианского бога бессильно.

Его миссионеры, конечно, готовы выходить на диспуты «о любви к ближнему», но при условии, что их оппоненту вбит кляп до самого надгортанника, а руки его заломлены и связаны. Новая редакция 148-й статьи УК возможности «заткнуть» и «связать» предоставляет в полном объеме.

Так что «закон» не надо недооценивать.

Он вполне эффективен.

Неспособный спасти «веру», он в состоянии какое-то время защищать идеологию, в которую давно трансформировалось православие.

Будем откровенны: оно утратило свою «возвышенную» составляющую еще в пожарах Новгорода и Ростова, восставших против кровавой христианизации, в воплях сжигаемых заживо волхвов, староверов и вольнодумцев, в купелях насильственных крещений.

Сегодня пора вспоминать ее особенности:

«А ежели кто не причащаются, тех сечь розгами, давая по 5000 раз нещадно». [4]

В реальности XXI века православная идеология выглядит особенно забавно. Она опирается на «традиционные ценности России», позабыв, что все они — порождение того общества, в котором работоторговля, рабовладение, публичные побои, вырывание ноздрей, гаремы из крестьянских девок, клеймение лбов и травля детей собаками для потехи, лакейство, холуйство, «запорки вусмерть» и челобитные — были не просто обыденным делом, но являлись узаконенным государственным нормативом, важной компонентой существования Св. Руси.

Известный закон «о чувствах», если будет умело применяться, вероятно, позволит вернуться ко многим из этих традиционных ценностей, так как большинство из них имеют религиозную подоплеку. Как, например, рабство, столь любезное христианству, воспетое и одобренное всеми его «св. писаниями».

Православная идеология лукавит, делая вид, что напрочь позабыла и еще один пикантный факт: уровень умственного развития основы Св. Руси — русского крепостного крестьянина (того самого «богоносца») — не только в X–XVIII, но даже в начале XX века ничем не отличался от уровня туземца Соломоновых островов, Новой Зеландии, Новой Гвинеи или народностей Нижнего Конго. Мировоззрение тех и других, их представления о пищеварении, болезнях, родах, зачатии, эмбриогенезе, жизни, смерти, механике мира, добре и зле были практически идентичны. Как и уровень интеллекта.

В тот «парничок», где выращивалась «вековая мудрость народа», где, собственно, и вызревали истинно православные «ценности», возможно заглянуть благодаря огромному объему документов, зафиксировавших подлинные представления основной массы русского народа того времени.

Этнографическое бюро князя В. Н. Тенишева с 1844 по 1903 год дотошно, по всем без исключения губерниям, собирало свидетельства «русского народного мировоззрения». Сравнив их и современные им антропологические материалы Тэйлора, Леви-Брюлля, Леви-Стросса, зафиксировавшие основные представления конголезцев, аборигенов Австралии, Соломоновых Островов и Новой Гвинеи, мы видим поразительное сходство меж воззрениями тех народов, что удерживались в первобытности насильно или естественным образом.

Приведем несколько примеров.

У русских крестьян и у конголезцев были идентичными представления о пищеварении, о слезе, о причинах большинства болезней. С туземцами Соломоновых Островов русского крестьянина роднит убежденность, что пол зачинаемого ребенка можно отрегулировать в момент зачатия. Разница лишь в том, что русский крестьянский способ предлагает мужчине при совокуплении надевать шапку или «бабий платок», а «соломоновец» пытался воздействовать на процесс с помощью «мужских» или «женских» перьев в голове.

Примерно так же обстоит дело и со способами контрацепции.

Народная мудрость предписывала крестьянской барышне пить собственные месячные, слегка растворенные водами семи ручьев, а туземке Австралии разводить их брызгами ночного дождя.

Впрочем, дело даже не в сходстве — первобытное мышление, как известно, транснационально. Дело в уровне интеллекта основной людской массы православной империи.

Это первобытное состояние 80 % населения сегодня практически недостижимо. А именно в нем и был секрет «державности» царской России.

Конечно, вполне возможно заставить российских дам вновь пить свои месячные. Но для этого потребуется долгая кропотливая работа религиозных организаций. И очень большие бюджетные средства. Здесь одним удалением астрономии-биологии-геологии из школьного курса уже не обойдешься.

Впрочем, возможно, мы плохо думаем о тех людях, что откопали «закон о чувствах» на средневековой помойке и спустили на впечатлительную российскую публику.

Возможно, они руководствовались отнюдь не мракобесием, не желанием обрушить страну в прошлое, из которого нет возврата в цивилизованный мир, а вполне здоровыми меркантильными соображениями.

Например, созданием суперофшора.

Зачем нужны кипрско-мальтийские риски?

Зачем коварные греки?

Проще создать нечто подобное внутри страны.

Обнести *это* саркофагом из «моралей», «вер» и «патриотизмов», настолько мощным, чтобы снаружи никому и никогда не было возможности расслышать клочкотание бродящих внутри сумм.

А вокруг саркофага создать силовое поле из постоянной истерики об «оскорблении чувств» и нарушении «тайнства веры». Чтобы ни один налоговый, ни один прокурор не смел бы никогда сунуть туда нос в погонах. Это уже даже не суперофшор. Это блаженный и праведный Офшорий.

Ну а мелкие побочные эффекты вроде деградации и раскола страны в этом случае вполне извинительны заботой о неусыпном благе блаженного старца.

Конечно, у услуги Офшория могло бы ничего и не получиться, если бы не общественность на «подтанцовке». Активисты, хоругвеносцы, депутаты... Все те, кто способен поддерживать градус православной истерики и принимать законы, охраняющие покой блаженного.

Вряд ли, кстати, сама «подтанцовка» в курсе, на каком величественном концерте она задействована.

Ее главная награда — в праве на публичную пафосную истерику, в возможности хоть денек вкусить сладость собственной опричности. На имперскую подтанцовку не следует обижаться. Ее жизнь интегрирует привычка служить кормом для идеологии.

Ей самой так комфортнее.

Ее идеал России — глухо заколоченная «берендеева избушка», из которой откачана ненавистная «европейщина» и создан державно-этнографический вакуум.

В избушке, передувив и пересажав инакомыслящих, они смогут наконец переодеться девами в кокошниках, опричниками, великими русскими писателями, царями и другими трилобитами. И будут водить бесконечные благостные хороводы в своем безвоздушьи, счастливые от того, что задыхаются во имя идеи.

По всей вероятности, дело обстоит именно так. Но пугаться не стоит.

Все предопределено. Все нормализуется даже и без особых революций.

Дело в том, что сквозь коросты патриотизмов, мертвых идеологий и глупых законов, взламывая пафос и злобу «новой русской духовности», упрямо и неостановимо прорастают новейшие прагматические поколения.

Они убийственно трезвы.



Сплюнув на пол «берендеевой избушки» и прищурившись, они сформулируют свое житейское кредо следующим образом: *если Россия хочет быть моей родиной — ей придется приложить для этого множество усилий.*

И вновь старушке РФ придется отдирать с себя коросты. И вновь — с кровью. Придется проститься и с Офшорием.

Погрустневшие имперцы, конечно, будут сопровождать трагедию отдиранья корост и прощания траурным маршем, исполненным на ложках, балалайках и графинчиках. Но уже не из кресел Госдумы, а в качестве фольклорного ансамбля со сцены роскошного ДК, который тоже неплохо будет смотреться на месте бывшего бассейна.

## Вкус крысы, или Котлетки из российской истории

Когда на кораблях XVI–XVII веков заканчивалась провизия, команда начинала есть трюмных крыс. Для матросов их просто отваривали, но на офицерские столы они подавались жареными, тушеными или в виде котлеток.

Судовые повара давали этим блюдам игривые имена: «крошечные барашки», «морские индейки» или «перепела океана». Эти «перепела», «зайчики» и «барашки» щедро приправлялись гвоздикой и кориандром, но неизменно сохраняли специфический запах и вкус крысы.

Увы!

Примерно такая же ситуация сложилась сегодня с национальной историей.

Любая попытка приготовить из ее персон и событий идеологическое блюдо гарантирует неизбежность появления в нем привкуса запредельной лжи и абсурда. А традиционные пропагандистские пряности и соусы (пафос, приторность и однозначность) только подчеркивают «крысиный» вкус.

По всей вероятности, сегодня лучше вообще не преподавать в школах историю России. Ее сусально-патриотический вариант неизбежно будет разоблачен при первом соприкосновении со злой информационной средой и станет объектом издевательств. А вариант реалистический чересчур сложен для детского восприятия, да и технически «непреподавабелен».

Следует признать, что, к сожалению, произошло необратимое.

Из мемуаров, дневников, документов и летописей было извлечено огромное количество фактов, подробностей и нюансов, почти полностью девальвировавших «величавость русской старины».

Конечно, всю эту информацию было бы лучше затолкать обратно в архивы, запереть и опломбировать. Но это невозможно. Джинн исторического знания уже выпущен. И он настолько велик, зол и зубаст, что в состоянии пожрать любой патриотический миф.

Более того, джину явно нравится вкус невских, кутузовых, суворовых и жуковых, косточками которых он весело поплевывает последние двадцать лет.

Что называется, недоглядели.

Теперь понятно, что свои историко-идеологические секреты русским надо было хранить строже, чем чертежи «Курска» и методики запуска «Протонов».

Прекрасной иллюстрацией к данной драме служит растерянность и лицемерие современной номенклатуры, иногда вынужденной нести с трибун военно-патриотическую чушь. Номенклатура, конечно, забавна в такие минуты, но ее следует пожалеть. Раньше ей было гораздо комфортнее. Каждое поколение власти заново обдирало с истории кожу, чтобы переплести в нее свои партийные удостоверения. А сегодня это почти невозможно, так как кожа радикально попорчена.

Рассмотрим вопрос на самом простом примере.

Стоит кремлевцам затянуть гимн войне 1812 года, так тут же либералы предъявляют сотни документов, из которых становится ясно, что «Бородино» — это не «день славы русского оружия», а позорное поражение русской армии, повлекшее отступление, бросание знамен, артиллерии, десятков тысяч своих раненых, сдачу и уничтожение столицы.

Это очень печально, но русофобы уже докопались до записок генерала А. П. Ермолова, который, отступая из Москвы, писал:

«Душу мою раздирал стон раненых, оставляемых во власти неприятеля».

Стон Ермолова был вполне уместен: несколько тысяч русских раненых сгорели заживо в том пожаре Москвы, что устроил православный активист и патриот Ростопчин.

Стоит кремлевцам козырнуть величавостью Кутузова, как коварные либералы, ухмыляясь, достают с архивных полок свидетельства о специфике этого персонажа, который прославился лишь тем, что, будучи фронтовым главнокомандующим, ухитрился спать по 18 часов в сутки, а оставшееся время тратил на девочек-малолеток (переодетых в казачью униформу), которых он повсюду возил с собой. Кутузов (подло напоминают документы), имея

колоссальное численное, фуражное, снабженческое преимущество, сумел проиграть все главные сражения «отечественной войны».

Возникает ли вопрос об удали и роли казаков в 1812 году — джинн исторического знания вдребезги разбивает и этот миф, лукаво напомнив об их алкоголизме, апофеозом которого стал образ атамана Платова. Как теперь известно из записок Н. Н. Муравьева (участника Бородинской битвы):

«От дурных распоряжений и нетрезвого состояния графа Платова войска сии, которые могли бы принести пользу, ничего не сделали».

Отметим, что Муравьев деликатно излагает то, что другие источники преподносят с куда большей прямоотой. В частности:

«В знаменательный бородинский день казачьего главнокомандующего Платова целых три адъютанта так и не смогли усадить на лошадь по причине мертвецкости его опьянения».

А важнейший миф о «всенародном подвиге» окончательно рассыпается, когда становится ясно, что формальная победа в той войне осталась за русскими благодаря лишь рыцарственности Наполеона, который пощадил Россию, не объявив «прекращение крепостного права». Он писал:

«Я хотел избавить Россию от тех зол, которые она сама себе причиняла. Я мог бы вооружить против нее часть ее собственного населения, провозгласив освобождение крестьян. Множество деревень меня об этом просило. Но когда я узнал грубость нравов этого многочисленного класса русского народа, я отказался от этой меры, которая предала бы смерти, разграблению и самым страшным мукам много семейств».

Какую бы пафосную конструкцию из исторических камней ни предложили кремлевцы, джинн с одинаковой ловкостью разгрызает

любую, обнажая скандальную правду об А. Невском, Суворове, «дубине народной войны», Ермагене или Куликовской битве.

Отметим, что против этого джина бессильны ФСБ и ОМОН. Он неуязвим для установок «Град» и «святой» воды. Он царствует и побеждает, лишая исторические события приятной однозначности, вносит во все раздор, сумятицу и тот самый «вкус крысы». Вероятно, по причине прогрессирующей и неостановимой девальвации истории, русским все же придется изыскивать какие-то иные основания для национальной гордости.

Говоря о бессмысленности преподавания русской истории в школах, следует помнить и о специфическом уровне конструкторов госидеологии и педагогических программ; об их умении все перевернуть, забывать и путать.

Вспомним прекрасную идею: национальным, «родным» праздником нейтрализовать праздник сюжетно похожий, но навязанный Западом.

Для этого из «житийных сундуков» был извлечен день Петра и Февронии Муромских. Извлекь-то его извлекли, но по какой-то загадочной причине противопоставили Дню св. Валентина, а не Хэллоуину.

Напомню, что история Петра и Февронии — это история брака, который был заключен вследствие грубого шантажа со стороны невесты. Брак оказался бездетным и закончился разводом, так как супруги, постригшись в монашество, разбрелись по разным монастырям (М и Ж).

Но вот после смерти (как свидетельствует «житие») они устроили блистательное «зомби-шоу», перед которым меркнут всякие там тыквы, упыри и даже говорящая кукуруза. Захороненные в разных местах, уже тронутые естественным разложением, бывшие супруги вылезли из могил и бродили по улочкам Мурома, чтобы встретиться и зачем-то улечься вдвоем в один гроб. Их трижды растаскивали по их законным могилам, но они трижды повторяли свой заволаживающий «танс макабр».

Понятно, что с объявлением этой истории символом российской «любви, семьи и верности» вышла накладочка.

Вероятно, перепутались документы.

Но как бы то ни было, Хэллоуин, которого муромские зомби враз уложили бы на обе лопатки, лишился конкурента и своим тыквенным оскалом продолжает ввергать россиян в бездуховность.

Понятно, что осрамившиеся даже в таком пустяке кремлевцы никогда не сумеют создать сбалансированный педагогический продукт и со временем превратят все патриотические мифы в посмешище.

Впрочем, избавиться от зуда «прививать традиционные ценности» власть РФ пока не в состоянии. По всей вероятности, у нее остался один путь — в режиме реалити-шоу, с прямой трансляцией по всем каналам повторить те подвиги духовности, что были совершены христианскими святыми.

Благодаря «житиям святых» мы знаем, как выглядят «симптомы» религиозной веры, как *именно* она меняет поведение своего носителя. Считается, что эти деяния когда-то изменили нравственную картину мира.

Напомним, что отец церкви Ориген, вдохновленный евангельскими текстами, публично отрезал себе пенис, а преподобный Павел Фивейский почти 90 лет воровал финики у ворон и не знал «пищи иной».

Преподобный Феофил 12 лет непрерывно плакал, а Симеон Столпник разводил червей «в язвах тела своего», возникших от привычки святого натираться экскрементами.

Нил Столбенский спал исключительно стоя (опершись на два костыля), а св. Роза пила только желчь.

Никита Столпник Переяславский «неснимаемо» носил огромную каменную шапку, а преподобный Макарий, во избавление от неблагочестивых мыслей, надолго погружал в муравейник свой зад и гениталии.

Есть надежда, что прямая ТВ-трансляция этих подвигов в реальном времени могла бы изменить моральный облик нашего юношества и вернула бы беспутному обществу те духовные скрепы, о которых мечтает Кремль.

Не должно возникнуть проблемы и с исполнителями.

РФ сегодня переполнена благочестивцами, епископами, протодьяконами, православными активистами, депутатами ГД и хоругвеносцами. Пока они лишь разглагольствуют в комфортных ТВ-студиях, меняют наряды и бижутерию, но, несомненно, готовы

перейти и к делу, предъявив доказательства своей веры и всепобеждающей духовности. Будем надеяться, что для них всех хватит фиников, муравейников и каменных шапок.

## День мракобесия

Сегодня понятно, что реестр государственных праздников неполон. Необходимо введение общенационального «дня мракобесия». Возможно, впрочем, в названии нового праздника будет использовано не само слово «мракобесие», а его ближайший синоним, и он будет именоваться «днем духовности».

Дата для нового праздника (18 сентября) определилась благодаря ГД РФ. Именно в этот день ГД поставила первую точку в «деле Академии наук», внезапно отхлестав по щекам эту почтенную организацию и зачитав ей смертный приговор.

Азарт, с которым думцы прихлопнули «творенье Петра и Ломоносова», а с ним и надежды России на хоть какое-то развитие, поначалу казался необъяснимым.

Злые языки объясняли думскую выходку ссылкой на труды специалистов по «депутатскому повелению». Те связали случившееся с «невозможностью регулярной подачи бананов в зал заседаний». Но, согласно товарно-транспортным накладным, снабжение Государственной думы бананами в период с 15 по 19 сентября 2013 года осуществлялось в полном объеме, кормления проводились регулярно, так что никаких оснований для особо агрессивного поведения у депутатов не было.

Согласно другой версии, ГД приговорила Академию наук, опасаясь дальнейших разоблачений своих «докторских» и «кандидатских» диссертаций, приобретенных у сомнительных лиц. Но эта гипотеза тоже не выдерживает серьезной критики. Известно, что подавляющее большинство депутатов даже и не помнят о таких своих мелких покупках, как научные степени.

Пребывающий в своей обычной носорожьей прострации Совет Федерации выходку ГД, разумеется, одобрил.

Конечно, само исполнение приговора еще впереди.

По всей вероятности, это будет выглядеть весьма живописно: главную научную структуру будут выламывать, как лишний зуб, применяя методы раскачки, дробления, а может быть, и прямого вытягивания.



Анестезия, по всей вероятности, не потребуется, поскольку никакой боли по поводу происшедшего страна явно не чувствует.

Разрешенный часик пошумели только впечатлительные доценты. Астрономы робко потрясли перед ботаниками маленькими плакатами и бородами, а ботаники скорбно сверкнули в ответ своими пенсне. После чего протестик схлопнулся. ОМОН бережно сдул бородатых деточек с улицы, все стихло и забылось, как будто бы и не было никогда никакой Академии наук.

Кремлевская черная дыра поглотила ее без следа и писка.

Кончину РАН, конечно, можно приписать козням Всесильного Фаворита, руководствовавшегося личной обидой на кристаллы и на порядок их изучения. Но это предположение равноценно уверенности, что механизм наручных часов способен провернуть стрелки Биг-Бена.

На самом деле все гораздо интереснее. И масштабнее.

Подлинные причины ликвидации «храма российской науки», по всей вероятности, надо искать лишь в возрастании духовности населения РФ. И только ею можно объяснить отсутствие каких-либо ощущений у населения при известии о столь глобальном событии.

Вполне возможно, что сама РПЦ и не имеет прямого отношения к разгрому Академии наук, но объявленная ею гонка в прошлое — в невежество и дикость, к «духовным скрепам» — уже стартовала и набрала мощь и масштабность.

Основной ценностью объявлены традиции, так как именно они являются питательной средой для религии. Именно через традиции прошлое успешно диктует настоящему свои дикарские правила.

Напомню, что «творцы традиций» не имели (и не могли иметь) ни малейшего понятия об электричестве, Павлове, Циолковском или Хокинге, о квантах, о происхождении жизни, о канализации и нейрохирургии, о дамских тампонах, космосе, теории относительности, туалетной бумаге или происхождении человека.

Незнание этих факторов с современной точки зрения является элементарной неразвитостью.

Именно она когда-то делала нормой завшивленность, гнилозубость, работоторговлю и рабскую покорность владельцу. Она же обеспечивала искренность религиозных представлений, легкость отношения к массовым убийствам, нормативность педофилии, пыток и

безграмотности. Она же формировала то отношение к людям, которое предлагается сегодня как то, к чему необходимо «возвращаться».

Сегодня для любого из «творцов традиций» не нашлось бы иного места, кроме как на цепи. Или на скамье подсудимых международного трибунала. Изобретенные ими «под себя» и «для себя» правила жизни, понятия о добре и зле — должны были бы быть захоронены вместе с ними, а «могильники» изолированы тщательнее, чем концентраторы сибирской язвы.

Мы знаем, что умышленное или случайное вскрытие могильника с *bacillus anthracis* гарантирует бедствие. Идеологические «могильники» не менее опасны. А живущая в них древняя зараза еще более живуча, чем сибирская язва. Выпущенная на волю, она весьма своеобразно деформирует поведение человека и в XX, и в XXI веке. Для примера можно вспомнить Третий рейх или «дело Пусси Райот», которое, по сути, является рецидивом известных «процессов о ведьмах».

Но могильник потревожен — и мы видим, с какой скоростью Россия разворачивается строго назад и «обезнаучивается». Меняется мировоззрение масс, выстраиваются очереди к «поясам», вангам, крестам, экстрасенсам, святым и заряженным водам, мощам и иным чурингам.

Участь науки в обществе такого типа, конечно, предрешена. Да и на что она могла рассчитывать в государстве, ориентированном на те «ценности», что стоили жизни и свободы сотням ученых?

Хотя нынешняя позиция религии и заключается в аккуратном повиливании хвостом перед светской ученостью, поверить в искренность церкви можно только в том случае, если допустить, что она порвала со своей догматикой, историей, со своими авторитетами и самой своей сутью. А это не так.

Напомним, что агрессивное отрицание науки не затерялось в веках, вместе с Кормчей Книгой, проклинающей «премудрости бесовские», с архаичными трудами св. Лествичника, Ф. Затворника или Т. Воронежского.

Возьмем относительно свеженького идеолога православия, почитаемого и авторитетного св. Игнатия Брянчанинова. Он откровенно пишет:

«Ученость есть мерзость и безумие перед богом, она — беснование».<sup>[5]</sup>

«Науки — плод нашего падения, произведение поврежденного падшего разума».<sup>[6]</sup>

В деле сохранения тотального невежества как нормы заслуги православия несомненны. Именно оно запрещало, изымало или сжигало целыми тиражами книги Гоббса, Локка, Гольбаха, Гельвеция, Вольтера, Фламариона, Геккеля, Дарвина, Фейербаха, Сеченова и даже Жюль Верна. В XVII веке оно вдохновляло убийства иностранцев-медиков, погромы первых аптек в Москве, изгнание и травлю Ивана Федорова. В XVIII веке — аресты типографов, осмеливавшихся печатать западную научно-просветительскую литературу, как это было с Новиковым. В XIX веке оно же громило анатомические музеи и требовало (устаами митрополита Исидора) ссылки И. М. Сеченова на покаяние в Соловки за «Рефлексы головного мозга», анафематствовало писателей и проклинали строительство железных дорог, электричество и наркоз.

Сегодня оно — снова главный воспитатель страны. Оно снова учит добру и правде. По примеру своих святых. Таких, как кроткий и благостный Иван Сергеев (церк. псевдоним — Иоанн Кронштадтский). В 1908 году Иоанн Кронштадтский... молился о смерти Льва Толстого, прося своего бога убить старого писателя:

«Не дай ему дожить до праздника... Возьми его с земли, этот труп зловонный, гордостью своей посмрадивший всю землю».<sup>[7]</sup>

Россия XXI века оказалась прекрасным учеником церкви. Посему она не только не испытывает ни малейшей потребности содержать масштабную организацию (РАН), цели которой явно враждебны «духовным скрепам», но и демонстрирует абсолютное безразличие к науке как таковой.

Какое-то время наука рассматривалась как придворный фокусник, обязанный изготавливать гаджеты вроде мобильных и ракет. Но потом выяснилось, что Корея с гаджетами справляется лучше, а

космическая гонка с США проиграна навсегда. Искать в науке что-нибудь «русское», что можно было бы пустить на «скрепы», оказалось бессмысленно — она транснациональна по своей природе.

Россия быстро забыла смысл и роль науки.

У нее надо было бы отобрать мобильники, инсулин, лифты, самолеты и кардиостимуляторы. Лишить ее электричества и автомобилей. Тогда бы общество, мгновенно забыв про «духовность», вновь оказалось бы на коленях перед знанием. Но, к сожалению, это невозможно.

Исходя из всего этого, кончина РАН закономерна.

Впрочем, и поделом.

РАН была единственной силой в России, способной возглавить битву с наступающим мракобесием. Но она побросала знамена, зажмурилась и излакейничалась.

Так пусть теперь и «огребет по полной». За малодушие и конформизм.

За попов в президиумах научных конференций. За холуйские освящения лабораторий и библиотек. За церковную пропаганду в школах. За вышвырнутые музеи и планетарии. За МИФИ.

Пусть сегодня академики вкушают плоды своей покорности и давятся ими. Пусть ответят за преданный ими пепел Бруно, Сервета, Валле, де Доминиса, Чекко д'Асколи, Этьена Доле; за «забытое» унижение Галилея и слезы Сеченова, за объятия с наследниками тех, кто давил по церковным темницам астрономов и палеонтологов.

Конечно, каждый народ имеет право выбирать вектор развития. Оставим и за Россией это право. Право громить науку, собирать стокилометровые крестные ходы, сажать девчонок за песенку и избирать в парламент фанатиков. Ничего страшного. Перед революциями это бывает.

## **Танго с мумией. О некоторой спорности датировки экспоната № 1045 ФМКНА**

Пантеон «богов» и «полубогов» классической анатомии — это совершенно особое место в науке. В него невозможно попасть благодаря дерзости мышления или случайному открытию.

Золотой ключик всемирной славы дверь в него тоже не отпирает.

К примеру, в этом пантеоне нет места даже для Леонардо да Винчи с его миологическими (мышечными) зарисовками. Винчи (как правило) ради композиции и изысканности этюда жертвовал анатомической точностью изображения препарата, смещая связки, сухожилия и волокна.

Представления о Винчи как об «анатоме» — это удел романтиков, плохо представляющих себе строгость и точность анатомии как науки. Анекдотический ляп Винчи, который расположил в мозгу человека *три* горизонтальных желудочка, — лучшее свидетельство того, что о реальной анатомии мозга Леонардо не имел никаких понятий, а его «вскрытия мертвецов» (если они вообще имели место) предназначались лишь для того, чтобы придать своему образу модную тогда таинственность и «научность». Дело в том, что вскрыть мозговую череп и обнаружить в нем то, что так уверенно изобразил в своем эскизе Винчи, невозможно ни при каких условиях.

Легкомысленные «дочки» анатомии, такие как антропология, палеоантропология, палеозоология *et cetera*, значительно терпимее; среди «светил и родоначальников» этих дисциплин можно обнаружить как забавных жуликов, так и откровенных профанов.

Красивые обманы, эффектные мистификации и нелепые ошибки, которыми «набита» история палеоантропологии и палеозоологии, в классической анатомии были категорически невозможны начиная уже с XVII столетия.

В ней никогда бы не случился конфуз с «пилтдаунским человеком». Напомню, что палеоантропология первой половины XX века почти сорок лет водила почтительные хороводы вокруг останков

так называемого «пилтдаунского человека». (Какой-то весельчак их смастерил из вполне рецентного черепа и обезьяньей мандибулы, покрасил бихроматом калия и «вбросил» в палеоантропологическое сообщество, на поклонение дóцентам того времени. Те перевозбудились и несколько десятилетий писали и говорили о «пилтдаунском человеке» как о «том самом» переходном звене.)

Не менее забавной была и проделка профессора палеонтологии Йельского университета, президента национальной Академии наук Натаниела Чарльза Марша, который выкопал скелет апатозавра и страстно желал им похвастаться. Проблема заключалась в том, что скелет был безголовым, и в таком виде его экспонация не произвела бы должного эффекта. Но! У Марша было множество черепов древних рептилий. Он приделал первый попавшийся (пропорционально подходящий) к скелету и в таком виде предъявил его публике.

Марш не был злостным фальсификатором, он искренне предполагал, что «невинный подлог» — временная мера. Но он был чертовски рассеян и забыл о своей проделке. А затем и вовсе умер.

Фальсифицированный скелет простоял в музее 100 лет, до 1979 года. Он неоднократно объявлялся «загадкой» палеонтологии и, разумеется, спровоцировал написание сотен монографий и диссертаций, на нем выросли поколения профессоров. Ни у кого из них никогда не возникло ни малейшего подозрения, что их научные репутации покоятся на банальном хулиганстве Марша.

Замечательный антрополог Рудольф Вирхов посмеялся над первым обнаруженным черепом неандертальца, сделав авторитетное заключение, что он принадлежит не древнему человеку, а русскому казаку-алкоголику начала XIX века.

Примеров таких «забавностей», творившихся и творящихся в «смежных» с анатомией дисциплинах, можно было бы назвать множество.

Но наша задача не столько развлечь аудиторию анекдотами, сколько дать представление о степени безупречности творцов классической анатомии.

Благодаря скрупулезности, точности и системности анатомия (и сравнительная тоже) стала реальной наукой, позволяющей «вычислять» принадлежность любых останков с очень высокой точностью.

Приведем в качестве примера г-на Луи Добантона (1716–1799) и его жирафью кость.

Жорж-Луи Леклерк де Бюффон (1707–1788), директор Королевского ботанического сада, академик Французской академии, в вопросах сравнительной анатомии был (почти) безошибочен именно благодаря Луи Добантону.

Тот был скрупулезнейшим препаратором и анатомом. Он много лет работал с Бюффоном и готовил для него (почти) все сравнительно-анатомические материалы.

«Добантон не только заменял глаза и руки Бюффону, который был близорук и скальпелем не работал, — Добантон своей трезвой критикой сдерживал стремительный полет фантазии своего шефа и уберег их совместный труд — раздел о четвероногих — от ряда возможных ошибок». [8]

Кювье превосходно характеризовал их тандем:

«Бюффон, крепкого сложения, импозантного вида, по природе властный, во всем жадный до безотложного наслаждения, казалось, хотел угадать истину, а не наблюдать ее. Добантон, слабого темперамента, с кротким взглядом, с сдержанностью, которой он был обязан природе столь же, как и своей собственной мудрости, вносил во все исследования самую скрупулезную осторожность; он верил только тому, что видел и трогал, и только это решался утверждать... В своих речах и писаниях он старательно устранял всякий образ, всякое выражение, способное соблазнить. Неизменное терпение... он вновь и вновь брался за ту же работу, пока она не удавалась ему так, как он хотел. Казалось, все ресурсы его духа объединились, чтобы заставить молчать его воображение». [9]

Сюда же необходимо добавить и еще одно блестящее обобщение Кювье:

«Не столько тем, что он сделал для него, а сколько тем, что помешал ему сделать, был Добантон полезен для

Бюффона». [\[10\]](#)

Примечателен факт, показывающий, насколько анатомическая логика обеспечивала безукоризненность научного мышления и понимание принципов остеологии.

Откроем мемуар Добантона. В 1762 году там описан спор о «некоей большой кости». В Ботаническом саду она хранилась как реликвия, свидетельствующая о правдивости тех глав Библии, где рассказывается о жизни великанов. [\[11\]](#)

Добантон, обследовав кость, высказал мнение, что данный артефакт является лучевой костью левой ноги жирафа, хотя он никогда не видел ни жирафа, ни его скелета, ни даже рисунка подобного скелета. Он лишь читал описание и видел пару гравюр, на которых были изображены живые жирафы.

Экспертиза Добантона была воспринята весьма иронично, но тот не стал полемизировать и «искрить». Он застенчиво улыбнулся и, снабдив кость рукописною биркой, спрятал ее в армариум.

Ровно через 30 лет Королевский кабинет (кунсткамера при Ботаническом саду) наконец получил полный скелет жирафа.

Добантон, прослышав о приобретении, вынул из армариума огромную кость, сунул ее под мышку и прошествовал к новоприбывшему экспонату.

Тот как раз заканчивали освобождать от дощатого фуляра.

Добантон терпеливо ждал, когда будут сняты самые последние доски.

Как только это произошло, он приложил «кость великана» к левой ноге скелета — и наглядно подтвердил свою правоту. Древняя «реликвия» действительно оказалась лучевой костью жирафа.

Напомню, что Андреас Везалиус еще в 1543 году утверждал, что никогда и ни в коем случае не следует проводить аналогию меж объемом черепа и объемом мозга. Тогда эта мысль показалась абсурдной.

Но сегодня мы знаем точно, что помимо рабочих анатомических структур мозга, в черепной коробке помещаются: твердая мозговая оболочка, серп большого мозга, намет мозжечка, серп мозжечка, диафрагма седла *et cetera*. И это только плотные образования. Не



слишком значительные по весу и объему, они в совокупности дают весьма внушительные (в масштабе церебральных измерений) цифры.

К примеру, только твердая мозговая оболочка (полнорослого человека), полностью отпрепарированная от мозга и черепа, может весить от 30 до 60 граммов, то есть занимать от 30 до 60 см<sup>3</sup> общего объема. А вот латеральные и прочие желудочки мозга веса, естественно, не имеют никакого, будучи пустотами, но имеют собственный объем, который может варьироваться от 15 до 40 см<sup>3</sup>, увеличиваясь с возрастом.

*Puto*, что в сумме все эти «вспомогательные» и пустотные структуры занимают не менее 5 % объема черепа (очень усредненно).

Помимо плотных и пустотных, пространство черепа занимают и жидкостные образования, то есть кровь и ликвор.

По догме нейроанатомии, ликвор (цереброспинальная жидкость) занимает не менее 10 % общего объема, и еще десять процентов занимает кровь.<sup>[12]</sup>

*Alias*, для вычисления верного объема действующего мозгового вещества необходимо вычесть не менее 25 % внутреннего объема черепной коробки. Это будут очень примерные данные, но все же более верные, чем попытка исчисления объема мозга по общему объему мозгового черепа.

Здесь необходимо уточнение: согласно точке зрения академиков В. Сперанского и С. Блинкова,

«...разница между объемом мозга и объемом черепа увеличивается с возрастом; у новорожденного она составляет 5,7 % от объема черепа, а к 20 годам увеличивается до 20 %».<sup>[13]</sup>

«В пожилом и старческом возрасте эта разница возрастает до 25–27 %».<sup>[14]</sup>

Примеров «пророчеств» такого рода в истории анатомии (и сравнительной тоже) множество.

Иными словами, для того чтобы занять в анатомическом пантеоне место рядом с Везалиусом, Бартоллини, Руэффом, Грубером, Эдингером, Пироговым, Добантоном, Евстахием, Сильвием,

Шмальгаузен, Сабботой, Рюйшем *et cetera*, необходимо на протяжении всей своей жизни демонстрировать исключительную точность оценок (разумеется, относительно со своим временем), предельную добросовестность и взвешенность всех суждений.

А. И. Таренецкий, бывший начальником кафедры анатомии Медико-хирургической академии в СПб. (а затем и начальником всей академии), ученик Грубера, друг В. М. Бехтерева, автор безупречных работ по анатомии и патанатомии — безусловно, один из «богов» этого пантеона.

Возможно, он не так знаменит, как Везалиус, Сильвиус или Фаллопий, но научная репутация его безукоризненна, а реальный вклад в классическую анатомию более чем существенен.

Это заставляет проявить величайшую осторожность при попытке переоценить препарат № 1045 фундаментального музея кафедры нормальной анатомии ВМА.

Дело в том, что № 1045, то есть женский скелет, размещенный в зале краниологической коллекции, именно А. И. Таренецким был признан и идентифицирован как «скелет мумии жрицы Озириса времен фараона Шешонка I». (Скелет был измерен и описан проф. А. И. Таренецким в труде *Beitrage zur Skelet, und Schadelkunde der Aleuten, Konaegen, Kenai und Koljuschen*, в сб. «Записки Императорской Академии Наук в СПб»., т. IX, № 4.)

Вместе с тем закономерны сомнения в том, что данный препарат вообще является древнеегипетским артефактом.

Присмотримся к скелету.

Он, безусловно, очень хорош и великолепно связан, что, впрочем, не удивительно: мы узнаем руку знаменитого препаратора Ендрихинского, этого «Страдивари скелетных вязок». Ендрихинский обладал даром придавать костным останкам удивительную грацию и осанистость одновременно.

Экспонат № 1045 избыточно женственен и даже несколько сентиментален. Но это вполне в духе Ендрихинского.

Скелеты его работы, как правило, весьма драматичны; в позу и пластику остова всегда заложен намек на судьбу того человека, чье тело послужило сырьем для анатомического препарата.

Сильно пьющий и, соответственно, очень впечатлительный Ендрихинский, разумеется, сразу подпал под обаяние туманной

легенды, связанной с № 1045.

По крайней мере, прозектор Шавловский, принимавший участие в идентификации и описании препарата, утверждал, что бедолага Ендрихинский, обвязывая костные конструкции «мумии», порой не мог сдержать слез.

Теперь мы присмотримся к скелету «жрицы храма Озириса» еще чуть внимательнее. (И постараемся сохранять независимость от лаконичного описания его А. И. Тарнецким.)

Мы увидим, что скелет имеет повреждения: частично разрушены правая лобковая кость и горизонтальные пластинки небных костей. Утрачены: кончик мечевидного отростка, шиловидные отростки височных костей, семь зубов и две фаланги пальцев стопы.

Утрата зубов, разумеется, посмертная. Следует отметить и полидактилию, но эта особенность препарата уже неоднократно обсуждалась в специальной литературе.

Емкость мозгового черепа «жрицы» —  $1388 \text{ см}^3$ .

Поскольку череп был крайне хрупок и иссушен, А. Тарнецким, И. Шавловским и Ендрихинским было принято (спорное) решение измерять его при помощи не дробы, а конопляного семени, которое, что называется, «играет в объеме и весе» (в зависимости от влажности и других факторов) и по природе своей не может дать точных цифр.

Так что полученный результат в  $1388 \text{ см}^3$ , *molliter dictu*, приближителен. Но именно этой спорной цифрой мы вынуждены руководствоваться для вычисления объема головного мозга нашей «древней египтянки».

Вычисление производилось простейшим способом, практикуемым, *opportune*, и по сей день. Через большую затылочную форамину в черепную полость засыпалась песчаная или дробовая субстанция, имеющая соотношение  $1 \text{ грамм} = 1 \text{ см}^3$ , которая затем высыпалась и взвешивалась.

(От цифры  $1388 \text{ см}^3$  следует вычесть примерно 22–27 %, но, с учетом предполагаемого возраста барышни (27–30 лет), мы вычитаем средний показатель масс ликвора, крови, твердой мозговой оболочки, намета мозжечка, серпа *et cetera*, то есть 23 %, — и получаем чуть больше  $1000 \text{ см}^3$ .)

Чем еще примечателен череп?

Безусловно, значительной величиной горизонтальной окружности — 518 мм.

Поль Брока, проводивший измерения женских древнеегипетских черепов из коллекции Мариетта, предлагает гораздо более скромные цифры таких окружностей у примерных современниц нашей египтянки: 500, 490, 491 мм.

«В общем и целом мозговой череп мезоцефален, т. е. имеет краниологически усредненные параметры, а лицевая его часть ортогнатна, т. е. при европеоидной вертикальности лицевого угла она имеет очень стандартную высоту».

### **Таренецкий**

Здесь к наблюдениям Александра Ивановича трудно что-либо добавить, но имеет смысл присмотреться к тому, на что Таренецкий почти не обратил внимания.

Обратим внимание на швы черепа. Они, что называется, «открыты»: извив крайне отчетливый, не «сплавленный», что типично для черепов грацильного (изящного) типа и свидетельствует о том, что его владелица своего тридцатилетия, по всей вероятности, так и не достигла.

Все места прикрепления мышц на данном черепе одинаково слабо выражены, что на височных линиях, что на гребешках или на бугре затылочной области. Это говорит о тонкости и деликатности ее мышечных масок. Как мимической, так и жевательной.

Иными словами, она была явно миловидна, чем, вероятно, и «расчувствовала» Ендрихинского, всегда нетрезвого, да и утомленного вязкой грубых солдатских костяков.

Носовые костные формации дают право предположить некоторую (не избыточную) крупноносость нашей героини. Ее глазные орбиты велики, круговые мышцы глаз явно не отличались массивностью, а вот ризориус (*m. risorius*) был развит вполне убедительно, что дает некоторое право предположить, что жрица была глазастенькой и смешливой.

Судя по сочетанию молодости и основательной стертости зубов, барышня, мягко говоря, не голодала. Она любила поесть — и имела такую возможность, но набрать вес (судя по состоянию суставных

поверхностей таза и задних конечностей) не успела и скончалась, не утратив стройности.

Степень ее «фигуристости» определить, увы, уже нереально, но то, что скелет принадлежал даме, несомненно. Наилучшим и (в высокой степени) точным признаком пола является форма схождения нижних ветвей лобковых костей. У мужчин она напоминает угол (*angulus pubis*), у дам — арку (*arcus pubis*).

(Отметим, с какой трогательной заботой знаток загробной женской красоты Ендрихинский восстановил частичный вылом на лобковой кости.)

Каков был рост этой красавицы?

Таренецкий и Шавловский в своих работах предлагают вычислить его по длине позвоночника (от верхнего края передней дуги атланта до верхушки копчика 67 см), но с моей точки зрения, старый метод Лангера здесь будет уместнее:

«Рост равняется длине бедра, от верхушки большого вертела до самой выпуклой точки латерального мышцелка, взятой четыре раза».

Применив его, мы получим рост, несколько превышающий 160 см.

В качестве финальных штрихов добавим, что жрицы Исиды каждые два дня сбрасывали все волосы на теле и голове, а по храму дефилировали в весьма живописном головном уборе, имитирующем птичью голову с коровьими рогами.

Итак.

Мы произвели краткий осмотр препарата, набросали его анатомический портрет — и подошли к самому любопытному.

К вопросу: имеет ли этот скелет какое-нибудь отношение к Древнему Египту?

Таренецкий был убежден, что имеет. Свое мнение он весьма категорично зафиксировал в авторитетном издании «Записки Императорской Академии Наук в СПб», т. IX, № 4.

Мы вправе предположить, что Александр Иванович ошибся и что данному скелету не более чем 200–300 лет, что он не имеет никакого отношения к Древнему Египту, культуре Исиды и мумификациям.

Конечно, есть современные способы датировки костных останков, в частности, метод ускорительной масс-спектрометрии, с помощью которого этот спор можно было бы решить раз и навсегда.

УМС прекрасно зарекомендовал себя при датировке именно костного материала. С помощью установки *ANTARES* была сделана фантастически точная временная идентификация костяных шахматных фигурок из Венаффо.

Но!

У Таренецкого не было *ANTARESa*. Свои заключения он основывал только на анатомии и, отчасти, на исторической репутации препарата.

Посему данный спор будет увлекательнее, если и с нашей стороны мы тоже представим только анатомические и исторические доводы.

Вкратце — история появления препарата № 1045 в фундаментальном музее кафедры нормальной анатомии ВМА.

*Ergo, sceletus.*

16 ноября 1898 года скелет был подарен (или передан) МХА княгиней М. В. Волконской, купившей его в музее города Гиза непосредственно у г-на Бурриана (*Bourriant*), директора музея.

Предположительно (по косвенным и на данный момент непроверяемым данным), что в Санкт-Петербург скелет прибыл в саркофаге.

Никакая специальная документация, к примеру таможенная, этого не подтверждает. Впрочем, это ни о чем не говорит: саркофаг мог быть оформлен как частный багаж княгини. Здесь надо отрешиться от стереотипа о саркофаге как о чем-то «базальтовом и невероятно огромном». Это мог быть легчайший клееный папирусный или деревянный саркофаг, подобный тому, что мы видим в музеях цивилизации Милана или Комо.

Если мы принимаем версию наличия саркофага (а источник — мало склонная к фантазиям М. В. Волконская), то вместе с ней мы принимаем и очень высокую вероятность интактности мумии, пересекшей границу Российской империи. То есть мы говорим о теле, оформленном по всем правилам древнеегипетского похоронного ритуала: саркофаг, льняные пелены, осмоление, амулеты, которые по

погребальному обряду размещались под слоями пеленальных бинтов, и т. д.

Именно в таком виде его должен был «проводить» из Гизы продавец (Бурриан), по мнению которого скелет относится к временам XXII династии и «принадлежал» жрице Исиды.

Бурриан, кстати, приложил к саркофагу записку, в которой кратко изложил переводы иероглифических текстов на его фронтальной и латеральных поверхностях.

Переводы не содержат никакой существенной информации: посвящения Озирису, признание Исиды «хозяйкой неба» и пр. Их точность, напомню, остается всецело на совести г-на Бурриана.

Но!

«При разворачивании мумии, уже здесь, не было найдено ни скарабея, ни какой-либо надписи».

**И. Шавловский**

**Для справки:**

XXII (ливийская) династия начала свое царствование около 1000 лет до н. э., то есть значительно позже Эхнатона, Тутанхамона, Хoremхеба, Рамзеса Великого (II), Херхора и других знаменитых фараонов. Мумификационные процедуры уже не новация, а совершенно обыденное дело. Все технологии мумификации давно отработаны и конвейеризированы.

С учетом того факта, что именно Исида считалась родоначальницей и покровительницей мумификации, жрицы ее храма никак не могли избежать множества обязательных посмертных процедур: отделения внутренностей и подошвенных апоневрозов, вымачивания тела в натро-солевом растворе, смоления, пеленания и т. д.

Известна древнеегипетская пунктуальность в сохранении почти всех внутренних органов покойника (кроме головного мозга), а также в следовании методикам их консервирования, сушки и сбережения в канопах (специальных сосудах) или в полостях тела.

Менее известно, что даже ногти на руках и ногах были обязательным компонентом целостности трупа.

Кропотливейший и, вероятно, самый авторитетный исследователь способов и видов мумификации Уоррен Даусон пишет следующее:

«За время продолжительного пребывания в содовой ванне эпидерма сходила, а вместе с ней и волосы. Именно по этой причине принимались особые меры для укрепления на месте ногтей так, чтобы они не сошли с вымоченной кожей. Для достижения этой цели бальзамировщики надрезали кожу вокруг основания ногтя каждого пальца рук и ног так, чтобы образовался естественный наперсток. Чтобы удержать ноготь на месте, каждый такой наперсток обматывали ниткой или обвивали проволокой. У мумий царей и богатых людей наперстки кожи вместе с ногтями закрепляются при помощи специальных металлических напалечников».<sup>[15]</sup>

Судьбу отошедшей от тела эпидермы и волос уточняет Дж. Эллиот:

«При мумиях обычно находилась отпавшая от них в соляной или содовой ванне эпидерма, преимущественно в виде свертка».<sup>[16]</sup>

Известны случаи отдельного и специального (пакетированного или в канопах) сохранения даже внутренних жировых тканей, что могло произойти по анатомической наивности парасхитов, принявших жировые разrostы за отдельный орган (мумии Тутмоса III из XVIII династии; Мернепта из XIX династии; женская мумия в гробнице Аменхотенеп II из XVIII династии).

Срезанные с ног подошвы засаливались и в период XXI–XXVI династий почти обязательно прилагались к телу.<sup>[17]</sup>

Следует отметить, что никакой культивации эстетики смерти в ее сегодняшнем «хэллоуинском» понимании у древних египтян не было.

Напротив. Покойник (-ца) должен был выглядеть бодрым и симпатичным. Тело умащалось благовониями, корицей и кедровым маслом, подкрашивалось хной, а его формам придавалась естественная анатомическая полноценность и даже некоторая пухлость.



Чаще всего это делалось путем набивки мумии лишайниками (мумии Сипта из XIX династии, Рамзеса IV из XX династии, Джедптахефонху из XXI династии).

Эллиот Смит, впрочем, предлагает и многочисленные примеры набивки мумий резаной соломой, чистыми опилками или опилками в смеси со смолой и песком.

Отдельным, но важным в контексте обсуждаемого нами вопроса стоит и откровенный культ глаз, апофеоз которого приходится на XX династию. Для создания искусственных глаз в глазнице самой мумии использовался обсидиан, слоновая кость, хрусталь, синее, белое и прозрачное стекло, а для более парадных образцов на накладных масках — и полосатый алебастр, яшма, обсидиан. Подвижные (шарнирные) веки могли быть сделаны из бронзы, меди или золота, для их закрепления в скуловом отростке лобной кости и в ее глазничной части высверливалось 3–4 отверстия.

\* \* \*

Для чего мы сейчас вспомнили все эти нюансы древнеегипетских похоронных ритуалов?

Исключительно для того, чтобы удивиться тому, насколько все эти строго обязательные процедуры никак не отразились на анатомических кондициях любимицы препаратора Ендрихинского.

Непосредственный получатель препарата № 1045, прозектор Иван Шавловский описывает состояние скелета следующим образом:

«Мы получили кости мумии в тюке, вместе с обрывками бинтов, кусками кожи, черепков и мусором. Кости были почти совершенно чистыми, лишь в нескольких местах наблюдались присохшие к ним сухожилия и на черепе несколько кусков кожи».<sup>[18]</sup>

Предположим, саркофаг, канопы, амулеты, пелены и прочая погребальная атрибутика на каком-то этапе были «отделены» от тела жрицы. Безусловно (с учетом стоимости артефактов XXII династии),

бывает всякое. Так или иначе, но саркофаг и древнеегипетская атрибутика пропали бесследно.

Мы не имеем ни их фотографий, ни каких-либо зарисовок, которые могли бы подтвердить или опровергнуть «древнеегипетскую версию».

Впрочем, самым красноречивым свидетельством всегда являются сами останки. Они неминуемо должны были бы сохранить следы воздействия совершавших мумификацию парасхитов.

Еще раз внимательно осмотрим препарат.

Мы не увидим высверленных отверстий для крепления глаз. Это странно, но в принципе допустимо. Глаза могли быть и просто накладными, как мы видим на редчайших примерах некоторых бедных захоронений.

Смотрим чуть ниже.

Грудная клетка цела, ребра нигде не имеют следов рубящих или режущих воздействий или примет направленного вскрытия. Это означает, что сердце красавицы не было извлечено и забальзамировано в соответствии с ритуалом.

Древней египтянке такая небрежность могла бы дорого обойтись: взвешивать на заупокойном суде Озирису было бы нечего.

Как известно, на одну чашу весов покойник клал свое сердце, а на другую — ложилось перышко богини Маат (богини правды). Но для того чтобы этот впечатляющий ритуал состоялся (он решал «небесную судьбу» человека), необходимо было само сердце.

Вернемся к черепу.

Раковины его решетчатой кости, носовая перегородка, лакримальные кости никак не повреждены.

О чем это свидетельствует?

Только о том, что мозг не извлекался из черепа, хотя процедура его изъятия была обязательной. Обычно (что подтверждается рентгеновскими снимками голов мумий) взламывались носовые и часть лакримальных костей и через пролом производилось аккуратное (или не очень) изъятие гемисфер мозга.

Опустимся ниже.

Скользнем взглядом мимо любовно воссозданной Ендрихинским арки лобковых костей, мимо фемориса, лодыжки — к стопе. Здесь остановимся и тщательно рассмотрим подошвенную сторону.

В частности, *tuber calcanei* (бугор пяточной кости) и кубовидную кость, то есть то, что практически нет возможности не повредить при удалении подошвенного апоневроза.

А он срезался в обязательном порядке, чтобы покойник, шествующий к Озирису, не пачкал бы небеса земной грязью.

Дисциплинированному древнеегипетскому мертвецу при явке на страшный суд свои апоневрозы, конечно, полагалось иметь при себе, но как бы в «режиме сменной обуви», в мешочке или под мышкой.

(Одна его рука должна была быть занята сердцем, другая — канонами со всеми прочими внутренними органами, а носильщиков рядовым мертвецам не полагалось.)

Наша красавица жрица ни на бугре пяточной кости, ни на кости кубовидной не имеет никаких следов удаления подошв. Ни царапины, ни самой ничтожной засечки. По всей вероятности, она не подвергалась обязательной процедуре срезания апоневрозов и кожных покровов стопы.

Судя по сумме всех этих факторов, мы имеем право предположить, что препарат № 1045 — это скелет тела человека, который вообще не подвергался никакой мумификации.

(Предположение, что тело древней египтянки, жрицы Исиды, в крайне «благочестивую эпоху» фараона Шешонка было оставлено для свободного разложения или захоронено в земле, абсурдно по сути и не может рассматриваться всерьез.)

В любом случае статус «мумии», то есть тела, мумифицированного в соответствии с погребальными обрядами и традициями Древнего Египта, к данному экспонату неприменим.

Мне чертовски неприятно сомневаться в тех выводах, что сделал и продекларировал уважаемый мною Александр Иванович. Непременно хочу отметить, что мнение Таренецкого на заседании Антропологического общества при Военно-медицинской академии 23 ноября 1898 года было поддержано всеми членами общества, в том числе и выдающимся анатомом В. Н. Тонковым, доктором Э. А. Гизе, членом парижского антропологического общества А. Chervin, а также В. И. Вартановым, П. Я. Розенбахом и др.

Напоминаю, что мнение А. И. Таренецкого было и остается основополагающим для оценки препарата № 1045, а мои замечания и доводы следует классифицировать лишь как дерзкие домыслы.

Если бы Александр Иванович был жив, то, вероятно, он разнес бы их в пух и прах. Антропологическое общество было бы полностью удовлетворено, а «Страдивари скелетных вязок» — препаратор Ендрихинский вновь смахнул бы слезу умиления.

## Бедняга Фрейд

В конце XIX столетия Зигмунд (Сигизмунд Шломо) Фрейд уже начал формулировать свое фантазийное учение. Его сила была прежде всего в чрезвычайной лестности идей фрейдизма для человечества. (Как мы видим, в обывательском фольклоре фрейдистская терминология и сегодня занимает весьма почетное место.)

От Фрейда люди не без удовольствия узнали, что их мышление имеет в своей основе тайные порочные механизмы, что управляется оно неким всемогущим «подсознанием», а также «силами бессознательного». Еще одним приятным открытием было то, что все эти загадочные процессы поддаются регулировке с помощью так называемого «психоанализа».

Для рынка парамедицинских услуг того времени данная теория была самым подходящим товаром. Дело в том, что Европа уже научилась «нервничать». Она выяснила, что существует «психика», и искала ей достойное применение. Сперва в моду вошли обмороки и затяжные истерики. Затем, по мере развития психиатрии, стал известен обширный список невротических депрессий — и публика быстро научилась страдать теми из них, что свидетельствовали о «тонкой душевной организации» их носителя или носительницы. Конечно, особенно усердствовали дамы. Но и среди мужского населения мало кто мог позволить себе «нервное здоровье». Это расценивалось как вызов обществу, дурной тон и прямое свидетельство примитивности индивидуума.

Классическая психиатрия, разумеется, была не готова к эпидемии душевной утонченности. Тут-то и возник доктор Сигизмунд Шломо с его «психоанализом».

По одной из версий — он очень правильно оценил «клинический пейзаж» и его финансовые потенциалы. (Они действительно были великолепны.) Более того, умный и наблюдательный Сигизмунд уже хорошо знал, как скучна и скудна судьба физиолога-академиста, щепетильно преданного своей «чистой» науке. Участь обычного «доктора» была ничем не лучше. Чинное загнивание в статусе квартального лекаря, живущего под звон медных монеток, в планы

Фрейда никак не входило. Он не мог не видеть, как со всех сторон тянутся бумажники и портмоне, предназначенные тому, кто сможет сделать лечение «души» не менее увлекательным, чем сама болезнь.

Конечно же, Фрейд отозвался на этот зов. Он легко превратил имеющийся у него академический багаж в сырье для многозначительных фантазий и забавного шарлатанства. Но именно это и нужно было публике. Измотанная издевательствами материалистов над вечными ценностями, она требовала от неврологии чувствительного привкуса непостижимого. Фрейд обеспечил этот привкус — и попал в «десятку».

Впрочем, все было не так линейно. Чарующее шарлатанство психоанализа, возможно, никогда бы не украсило скрижали истории медицины, если бы не  $C_{17}H_{21}NO_4$ . Конечно, теперь трудно понять, кто был в большей степени автором идей «подсознания, бессознательного и психоанализа» — сам Фрейд или тот (в общей сложности) центнер кокаина, который, начиная с 1883 года, доктор Сигизмунд Шломо проглотил, инъектировал, втер во все свои слизистые, употребил назально, клизмально и даже в виде глазных капель.

Человека, знакомого с основами физиологии мозга, заподозрить в изобретении таких фантазий, как «подсознание», чрезвычайно сложно. А Фрейд не просто знал физиологию, а знал хорошо. И до своего кокаинового периода написал несколько недурных статей, в том числе и для медицинской энциклопедии Нотнагеля. Так что, скорее всего, подлинным творцом фрейдизма является все-таки не сам доктор, а  $C_{17}H_{21}NO_4$ . Впрочем, кокаин, в силу известных причин, не смог заявить о своем авторстве, и все лавры достались исключительно Зигмунду Фрейду.

Кстати, судя по всему, именно постоянное кокаиновое опьянение помешало Фрейду заметить то существенное открытие, которое он случайно сделал в 1884 году. Испытывая на себе кокаин, присланный ему для исследований фабрикой Мерка в Дармштадте, он опробовал его сильный настой на роговицах собственных глаз и обнаружил способность *cocainum* парализовать рецепторы, в том числе и болевые. Чуть позже открытие было присвоено Карлом Коллером, который именно на основании невнятной статьи Фрейда в *Heitlersche Zentralblatt für Therapie* (описавшего там свои личные ощущения) ввел

в оперативную офтальмологию способ кокаиновой анестезии роговицы, чем начал новую эру глазной медицины.

Фрейда эта ситуация привела в долговременное бешенство и, по всей вероятности, детонировала его полный разрыв с физиологией и медициной. Впрочем, он никогда не забывал про завораживающую силу научной терминологии и продолжал ею жонглировать. Более того, хорошо понимая коммерческий вес ученых регалий, доктор Сигизмунд Шломо 11 раз безуспешно номинировался на Нобелевскую премию.

Но по существу, все его учение — как по собственному признанию Фрейда, так и по факту — никакой связи с имеющимися у него научными познаниями не имело. Более того, он неоднократно упоминал, что «лучших своих учеников он нашел среди немедиков».  
[\[19\]](#)

Нобелевский лауреат Питер Медавар в свое время высказался о Фрейде: «грандиозное мошенничество XX века». Но Медавар, ослепленный академической брезгливостью, по всей вероятности, все же ошибся. Ничего грандиозного в учении Фрейда нет. К сожалению, в нем вообще ничего достойного упоминания нет.

Вообще, Фрейд долго вызывал справедливое раздражение биологов, физиологов и неврологов, пока время не спустило его из науки «тремя этажами ниже», в массово-развлекательные дисциплины вроде эзотерики, астрологии и психологии.

## Реконструкторы «веры»: психиатрия и религия

Как известно, именно психиатрия взяла на себя роль самого объективного оценщика поступков человека. Она же претендует и на роль последней инстанции в оценке его помыслов.

На первый взгляд психиатрия кажется недурным арбитром религии и религиозности, но это впечатление обманчиво. Дело в том, что очень многое в жизни и культуре человека она, не задумываясь, клеймит как «патологию».

Разумеется, анализируя религиозность с помощью параметров психиатрии, мы получим грубые и весьма обобщенные оценки. Тем не менее это будут хоть какие-то первичные ориентиры, необходимые для понимания столь деликатного предмета, как религиозная вера. Впрочем, нам придется хитрить и лавировать, избегая встречи «лоб в лоб» с догматами фундаментальной классической психиатрии. Дело в том, что она не снисходит до обсуждения тонкостей интересующего нас явления, а сразу выносит приговор.

*W. Hellpach* строго заявляет:

«Религиозный элемент почти всегда выступал в истории в болезненной оболочке. Он распространялся и претерпевал свои решающие превращения всегда на крыльях массовой душевной болезни».<sup>[20]</sup>

Другой классик психиатрии *E. Kraepelin* отмечает:

«У больных при религиозном направлении мыслей под влиянием “откровений” дело может дойти до бреда пророчества, до представления, что они избранники божии и мессии, причем обнаруживается стремление совершать публичные богослужения, приобретать сторонников».<sup>[21]</sup>

Р. Крафт-Эбинг (не нуждающийся в представлении и рекомендациях) рассматривал все основные религиозные проявления



как «бред о таинственном соединении с богом», «чувственный бред религиозно-мистического характера» и не допускал никакого другого происхождения религиозной веры, кроме патологического.

Столпы русской школы (В. П. Сербский, С. С. Корсаков) для характеристики религиозных проявлений использовали только клиническую терминологию.

В. П. Сербский вообще «сгреб» все вопросы веры под термин *paranoia religiosa* (религиозное помешательство), отметив:

«В сфере восприятия начинают доминировать галлюцинации, содержащие лики Христа, святых, возникают слуховые галлюцинации, повествующие больному о его высокой миссии, основным содержанием мышления становится религиозный бред о божественном призвании».

[22]

При этом следует отметить, что никто из классиков почти никогда не выделяет «религиозную веру» в какую-то особенную категорию помешательств. Такого заболевания, как «религиозная вера», не существует. По клиническим меркам это лишь одно из проявлений «бредообразующих аффективных психозов и галлюцинозов, типичных при фазофрениях, парафрениях и шизофазиях».[23] Иными словами, это симптом болезни, но не сама болезнь.

В зависимости от национально-культурной специфики среды обитания больного, этот симптом тяжелого поражения ЦНС может «окрашиваться в цвета» любой религии. К примеру, чукча, страдающий острой формой шизофазии, сконцентрирует свою страсть на крохотном боге Пивчунине, обитатель русского мира или католической Европы — на И. Христе, а житель Индии — на слонолицем Ганеше.

На этом мы закончим краткое изложение «классического взгляда». Как видим, фундаментальная психиатрия была не расположена разбираться с нюансами, а сразу и сурово «закрывала вопрос». По ее мнению, следует изучать не один из симптомов, а проблему шизофазии или парафрении в целом.

Категоризм классики мог бы лишить нас всякой свободы маневра, но, по счастью, ситуация изменилась. Сегодняшний статус «веры» позволяет использовать для ее изучения как параметры, так и логический инструментарий современной психиатрии. Веру можно поздравить. Всего за сто лет она сделала блестящую карьеру. От простого симптома — в отдельное явление.

Несложно заметить, что современная психиатрия не только приседает в реверансах перед верой, но порой и умиляется ей. Конечно, психиатрия «держит в уме» формулировки Сербского, Клейста и Крепелина, но дифференцирует проявления религиозной веры на «патологические» и «вполне здоровые», а иногда и даже «целительные».

Это умиление — еще одна загадка, которую мы попробуем разгадать в нашем кратком очерке.

\* \* \*

Фундаментированное еще в XIX веке понятие «патология» применительно к части проявлений «веры», конечно, никуда не делось. Никакого внутреннего противоречия в оценке религиозности психиатрией не появилось.

Давайте посмотрим, что же и сегодня по-прежнему подпадает под понятие «патология»?

Прежде всего подпадают именно те свойства, которые, с точки зрения христианства, являются примером для любого верующего. Те самые, что вписаны в историю религии как эталоны благочестия, к которым обязан стремиться религиозный человек. А именно: категорическая нетерпимость к иным культам, жертвенность, жесткий аскетизм, доходящий до членовредительства, непреклонная и крайне эмоциональная преданность религиозному идеалу, а также видения, «голоса свыше» и т. д.

Поясню.

У нас есть превосходный материал, вобравший в себя все основные «симптомы» истинной веры. Это жития святых. Они наглядно, детально, последовательно демонстрируют, каким должно быть поведение и мышление верующего человека по меркам церкви. А

по меркам и классической, и современной психиатрии 75 % святых христианской церкви подлежат немедленной госпитализации и принудительному лечению аминазином и галоперидолом с доведением дозы до 30 мг в сутки.

Нетрудно предсказать те диагнозы, которые были бы поставлены (к примеру) св. Симеону Столпнику, св. блаженному Лавру, св. Никите Переяславскому или св. Анджеле да Фолиньо. По всей вероятности, это были бы те самые «бредообразующие аффективные психозы и галлюцинозы».

Напомним, чем именно знамениты упомянутые персонажи. (Эти имена взяты наугад из многих сотен и тысяч католических и православных святых, прославившихся примерно схожими деяниями.)

Итак.

Св. Симеон сознательно разводил червей в «язвах телах своего», происшедших от привычки святого натираться собственным калом.

Св. Лавр был покрыт настолько густым слоем вшей, что под ним едва угадывались черты его лица, а смахнуть вшей не мог, ибо постоянно держал руки крестообразно.

Св. Никита «40 лет неснимаемо носил большую каменную шапку».

Св. Анджела прославилась тем, что горящим поленом регулярно прижигала себе влагалище, чтобы «избавиться от огня сладострастия».

Понятно, что все упомянутые святые (попади они в руки психиатрии) были бы навечно размещены в строгорегимных стационарах.

Труднее предсказать, какие суточные дозы клопсиксола были бы прописаны св. Арсению, у которого «от постоянного плача о Господе выпали ресницы». По всей видимости, для стабилизации его состояния они должны были бы (в разумных пределах) превышать «пороговые» 200 мг.

«Отец церкви» Ориген, публично отрезавший себе пенис во имя «царствия небесного», вероятно, был бы обездвижен посредством смирительной рубашки с металлическими кольцами (для привязки к кровати), а преподобный св. Макарий, который во избавление от греховных мыслей «надолго погружал зад и гениталии в муравейник», остаток дней провел бы зафиксированным в гериатрическом кресле.

Благочестивые экстазы простых верующих (благосклонно воспринимаемые церковью) тоже, вероятно, были бы оценены психиатрией как тяжелые расстройства психики.

Вспомним один из образчиков такого благочестия, оставленный нам Маргаритой-Марией Алакок:

«Он, бог, столь сильно овладел мной, что однажды, желая очистить от рвотных масс одну больную, я не могла удержаться от того, чтобы слизать их языком и проглотить».

[24]

Иными словами, в поступках святых и благочестивцев мы отчетливо видим способность очень легко перешагнуть через барьеры сложных рефлексов, установленных для защиты как важнейших функций организма, так и его целостности.

Возникает закономерный вопрос. Почему настоящее и достоверно обозримое прошлое не предлагает прецедентов такого типа? Где же они, настоящие проявления того, что самой церковью считается образцами настоящей веры?

Их нет. Но почему?

Изменилась догматика или сама суть христианского учения? Нет. Дезавуированы и деканонизированы святые? Они утратили свой статус образчиков поведения? Также нет.

Возможно, «вера» в подлинном смысле этого слова осталась далеко в прошлом, а сегодня мы имеем дело лишь с ее имитацией, со сложным притворством, порожденным не «пылающими безднами древнееврейских откровений», а конформизмом, невежеством и модой?

По всей вероятности, это именно так.

Здесь нам становится окончательно понятно, отчего современная психиатрия классифицирует религиозную веру так дружелюбно и снисходительно. Сегодняшняя вера не содержит никаких крайних эмоциональных проявлений, «неземных голосов» и видений. У ее адептов нет ни малейшего желания уподобляться христианским святым в антисанитарии и членовредительстве. Она (почти) не возбуждает желаний принести себя или окружающих в жертву религиозной идее.

Она очертила свой круг: куличик, свечка, иконка, слеза умиления, а также абстрактные разговоры «о боге и духовности». Но все, что выходит за границы этого круга, по-прежнему трактуется как патология.

Иными словами, терпимость психиатрии распространяется лишь на состояние формальной имитации «веры». На то состояние, которое, по сути, не имеет ничего общего с эталонами житий или канонами.

Именно от такого формализма, или, выражаясь евангельским языком, «теплохладности», строго предостерегает христиан их бог в «Откровении Иоанна Богослова»,<sup>[25]</sup> обещая «изблевать» такого персонажа «из уст своих». Сочной патетике бога, естественно, вторят святые и теологи.

Простой анализ патристических текстов не оставляет сомнений, что такая весьма условная «вера» отцами церкви трактуется как нечто, что «хуже неверия».

Имитация, о которой мы говорим, может быть вполне добросовестной, продолжительной и тщательной.

Она может заключаться в пунктуальном исполнении религиозных обрядов, в декларациях, переодеваниях, в тщательном подборе аксессуаров и лексики. Она еще способна генерировать злобу к инакомыслию и некоторую нетерпимость.

Но!

Она никогда не подвигнет натереться калом, надеть на сорок лет каменную шапку или прижечь влагалище пылающим поленом.

Вероятно, это происходит по одной простой причине: в действиях современных верующих уже почти полностью отсутствует патологическая составляющая. В основном мы имеем дело лишь с реконструкцией состояния «веры».

А реконструктор «веры» не способен на существенное самоистязание или добровольное мученичество. По одной простой причине: он здоров. Он лишь имитатор, никогда не переходящий границы реальности. Те самые границы, за которые св. Симеона, св. Макария, Оригена и многих других когда-то позвали «бредообразующие аффективные психозы и галлюцинозы».

Разумеется, все сказанное выше не реабилитирует религию. Даже лишенная смысла и содержания, она остается силой, способной существенно и успешно противостоять развитию человека. Хотя бы

потому, что в качестве основных мировоззренческих и поведенческих ориентиров она по-прежнему предлагает образчики несомненной патологии.

## Железные лапти Кремля

Патриотизм, в отличие от других галлюциногенов, формирует устойчивые доверительные отношения с видениями, возникающими под его воздействием.

Патриотические видения истеричны, агрессивны и настойчивы. Они имеют свое мнение о длине дамских юбок и фасонах духовных скреп. Они могут дать команду завоевать Луну или «присоединить» озеро Чад, подняв на нем мятеж бегемотов.

Задача опытного патриота — не только исполнить такой приказ, но и транслировать услышанное тем массам, которые сами недостаточно хорошо «слышат свою родину», простершуюся от Зимбабве до Курил.

Следует помнить, что помимо задач прикладных и промежуточных у патриотизма всегда есть главная цель. Та самая, ради которой этот идеологический наркотик и закачивается стране в вены.

Она состоит в том, чтобы по первому же щелчку пальцев любого дурака в лампасах толпы мальчишек добровольно соглашались бы превратиться в гниющее обгорелое мясо. В том, чтобы перед очередной бессмысленной бойней ни у кого из них даже не возникло бы вопроса: «А за каким чертом»?

Патриотизм превосходно справляется и со второй своей задачей — поддерживать на должном уровне то свойство граждан РФ, которое и отличает их коренным образом от растленных европейцев.

Русский рождается, живет и умирает с коренной уверенностью, что государство имеет полное и неотъемлемое право разорить его, изуродовать, убить и заставить кланяться любому идолу.

Если бы не эта вбитая в каждую голову «святость власти», то в 37-м товарищей в кожанках везде встречали бы вилами и огнем дробовиков, а не позорной покорностью.

Ведь это именно она (покорность) сгоняла миллионы в лагеря и могильные рвы. Энкавэдэшники и вертухаи лишь обслуживали это главное национальное свойство — добровольное признание всевластья железного лаптя Кремля.

Сегодня глупое население не всегда понимает, почему оно должно жертвовать детьми и жизнью ради голубизны министерских бассейнов на Майорке. Еще труднее объяснить гражданину, что его истинное предназначение — не жизнь и счастье, а комфорт разговорчивых иждивенцев с покупными дипломами, которые на Охотном Ряду чревоуважают от имени России.

Разумеется, комфорту попов и депутатов надо придумать убийственный сакральный псевдоним.

Если все цинично назвать своими именами, то ползание с выпущенными кишками может не доставить гражданину того морального удовлетворения, которое, возможно, было у героев последних войн.

Такой псевдоним есть: это волшебное слово «родина». А к нему обязательно прилагается аккуратная оговорочка, что «родина — это одно, а государство — это другое».

Но «родина» в таком случае является абсолютно абстрактным понятием, с которым в реальности пересечься невозможно. На самом же деле меж понятиями «родина» и «государство» никакой осязаемой черты нет. Это старый проверенный трюк. Прекрасной иллюстрацией его эффективности служат попы. Они призывают субсидировать их абстрактного бога, но пожертвованное сразу превращают в икорку и «Лексусы».

По тому же принципу придумана и «родина».

Объектом любви и благоговения объявляется не реальная, полная кошмаров страна, а некая абстрактная Россия. В ней никто никогда не жил. Ее никто никогда не видел. Но именно ей — невидимой, неосязаемой и прекрасной, следует приносить себя в жертву по первому же свистку чиновника, насмотревшегося патриотических галлюцинаций.

Но тут возникает конфуз, который особенно хорошо заметен сегодня.

Присмотритесь.

Когда вы ласкаете абстрактную Россию, эрекция возникает у «Единой».



## У русской литературы закончился срок годности

Мы слышим плач толстых министров, черносотенцев и филологических дам — они очень сожалеют, что дети не читают.

Никто не задался вопросом: а что, собственно говоря, этим детям читать? Классику? А почему ее надо читать? Почему надо употреблять продукт, у которого явно закончился срок годности? Почему до сих пор никто не хочет называть вещи своими именами?

Богоискательская истерика Достоевского имеет к сегодняшнему дню такое же отношение, как шумерские глиняные таблички. Пафосное, мучительное, многословное фэнтези Толстого о войне 1812 года тоже свое отжило. В этом жанре появились образцы и поинтереснее. Тема многолетних предсовокупительных терзаний самок в кринолинах тоже сегодня особого интереса не представляет.

Конечно, существуют какие-то максимально влиятельные образцы культуры. В трилогии Толкина современная литература сварилась, как в котле. Но Толкин не сильно пропагандируется, потому что все боятся простой и очевидной аналогии с Мордором.

Как сказал классик, духовность — это газ, который выделяют попы из разных бородатых отверстий. И это очень точно сказано, особенно сегодня. Вообще, что такое сегодня духовность? Духовность — это незнание астрономии и астрофизики, это полное невежество в вопросах молекулярной биологии, физиологии, структурной геологии. Следующий этап культа духовности — аттракционы типа наполнения бассейнов гноем Иова Многострадального и коллективных заплывов в нем. Тоже очень духовненько.

Нет, наверно, в мире литературы, столь же агрессивной и дидактичной, как русская. Когда-то она была очень актуальной, отчего сегодня особенно бессмысленна, потому что языковая и мировоззренческая картина мира сменилась полностью. Вся русская литература имеет отчетливый, навязчивый, великодержавный подтекст с культом солдафонов. Есть ли в этом хотя бы воспитательный эффект? Он нулевой. Сегодня это особенно хорошо заметно.

Вскормленные романтизмом усатые мальчишки в Славянске некрасиво прячутся в библиотеках, прачечных и за всяких торговцев крыжовником. Вместо того чтобы выйти в чисто поле и принять там бой с украинской армией, не подвергая риску мирное офигевшее население. Они же прячутся в жилых кварталах, как какие-нибудь сирийцы, которые никогда не читали Бердяева или Хомякова. Выглядит это все предельно паскудно. Можно подумать, что на юго-востоке Украины мало больших свекольных или картофельных полей должной гектарности, где можно было бы разгромить украинскую армию. В такой ситуации, конечно, можно погибнуть. Но если эти имперские мальчишки являются теми, за кого себя выдают, то такой пустяк их смущать не должен. Там, кстати говоря, все эти колорадские аксессуары смотрелись бы лучше, чем в подворотнях.

Конечно, у русской литературы до сих пор есть фанаты. Достоевский из могилы весьма успешно дергает за ниточки даже самого Милонова, не говоря уже о его мелких подражателях типа Проханова, Дугина, Холмогорова и других черносотенцев. Эти персонажи, конечно, симпатичны, но они навряд ли обеспечат русской литературе вторую жизнь.

Все наши архаисты переходят на административный крик и всю эту милую макулатуру XIX века окончательно хоронят, потому что они превращают Пушкиных, Толстых и Достоевских в личного врага каждого школьника.

Вообще, эта имперская идеология тащит на себе безумный культ старья и нелепых, корявых, антисанитарных артефактов. Считается, чем больше будет Россия похожа на лавку старьевщика, тем она будет величественнее и страшнее. А того, кто пытается произвести уборку, выкинуть всякое гнилье, затхлости и заплесневелости, почему-то называют русофобом. Хотя самые страшные враги России — это черносотенцы.

И еще одна важная замечка по поводу чтения, касающаяся скорее современной литературы.

Мы видим, как ломанулись писатели в православие. Очень трудно найти столь же благочестивую публику, как писатели. Они воодушевились продажами милого, но блеклого пропагандистского чтива Тихона Шевкунова, и поняли: совершенно не важно, какая книжка, а важно, через сколько торговых точек она распространяется.

Если получить вождеденный гриф патриархии, то книжку можно продавать через десятки тысяч свечных лавок при каждой церкви.

С другой стороны, есть всякие Задорновы, которые всерьез говорят о том, какие американцы тупые. Задорнов хороший сатирик, и если он хотел рассмешить, то у него получилось. Давайте сравним количество нобелевских лауреатов. В России — 23 лауреата, а в тупой Америке — 356.

Дети отказываются читать, и они в этом совершенно правы, и надо им в этом помогать. Устами младенца глаголет истина. Не надо заставлять детей читать. Надо признаться, что читать им, в общем, нечего.

## Сосисочная драма Славянска

Покойный Борис Абрамович говаривал:

«Большой бизнес требует больших жертв, но идиотов, согласных погибнуть за чужой бизнес, всегда найти очень трудно. Для решения вопроса приходится задействовать самые высокие материи».

Драма Славянска подается исключительно под «военно-героическим» соусом, и ни в каком ином контексте не рассматривается.

Допустим, все это действительно так.

Вспомним сюжет и фактологию происшедшего.

Все персонажи драмы постоянно чему-то присягают и говорят исключительно о «чести», «долге», «народе», «стойкости», «жертвенности» и «святой Руси».

Они ежечасно обнимаются, стучаясь касками и переплетаясь усами.

Распутав усы, они переходят к безостановочному целованию полосатых лент, хоругвей и знамен, а остальное время немножко куда-то стреляют и клянутся «не отступить», «не сдаться» и «защитить народ».

Главный герой день за днем любовно выращивает на животе самую большую кобуру в мире. На финальных аккордах драмы кобура уже так велика, что не позволяет герою встать, чтобы в очередной раз обратиться к нации.

Вообще, следует отметить, что и главные, и второстепенные герои прекрасно костюмированы, а массовка обучена очень эффектно гибнуть и заполнять собой как рефрижераторы, так и простые придорожные прикопы.

Наличествует и сильнейшая интрига. До самого конца так и не было понятно, *от чего именно* герои так долго защищали город Славянск.

Все выяснилось только в самом финале, когда наконец стало понятно, что обороняли они город от четырех тонн сосисок.

Конец драмы ознаменован чудовищным, поистине шекспировским накалом.

Увы, зло восторжествовало.

Передумавшие умирать герои сбежали, и украинские грузовики с сосисками ворвались на главную площадь города.

Торжествующие каратели раздали населению сосиски, попутно навязав ему хлеб, лекарства и другие ужасы цивилизации.

Занавес.

Рыдание зала.

Сосисочная драма Славянска, конечно, войдет в мировую военную историю. Затмит ли она славу Аустерлица, Буденновска и Бородино, еще не известно.

Но вот для бюста обаятельнейшего Гиркина в пантеоне героев-полководцев местечко гарантировано. Возможно, даже в ногах статуи самого Шамиля Басаева.

Общая патетика драмы, конечно, чуть попорчена фактом финального удиранья героев и их своеобразной манерой воевать (прячась за детскими колясками, поликлиниками и т. д.), но историки напрягутся и для учебников как-нибудь «припудрят» эти нюансы.

Любопытно другое.

Вольно или невольно, но именно «сосисочная драма» содержит поистине гениальный рецепт безнаказанного разграбления любого города на территории РФ, Украины, Молдавии *et cetera*.

На волне мимолетных «высших побуждений» впечатлительного населения (ныне это не редкость) группа лиц овладевает городом и всем его бизнесом, банками и банкоматами, автотранспортом, магазинами, типографиями, заводами и существенным количеством других материальных ценностей.

Делается все это под предлогом его «защиты» от кого угодно или от чего угодно.

Не обязательно от сосисок.

Можно «защищать» от районных или федеральных властей, от НАТО, от геев, зомби или от десанта с планеты обезьян.

Население небольших городков простодушно и поначалу воспринимает защиту как великолепное развлечение, взрывающее провинциальную скуку.

Антинародное руководство (а оно всегда антинародно) при общем ликованием запирается в какой-нибудь подвальчик без «воды, еды и туалета».

Милиция объявляется «продажной» и «вражеской», разоружается и выгоняется к чертям собачьим, что тоже несложно при наличии «народных настроений» и соблюдении «защитниками» должного уровня пафоса.

Чрезвычайно важной является навязчивая, неумолкающая риторика о высоте целей, «народе», наступающих «фашистах-карателях», «долге» и «чести», а также соблюдение всех необходимых патетических ритуалов. Не следует забывать о ежедневном и публичном целовании знамен и повторении клятв «лечь костями», «сложить головы» или скончаться каким-нибудь иным живописным образом.

Провинциалы, к которым даже областной «цирк на сцене» не заруливал уже лет десять, ощущают себя участниками грандиозного шоу и недели две пребывают в эйфории.

Успех предприятия целиком зависит от способности возгонки тех самых «высоких материй», о которых и говорил покойный Борис Абрамович.

Афера требует, конечно, некоторых затрат «человеческого материала», но падкий на пафос «материал», как правило, охотно предоставляет себя во вполне достаточных количествах, чтобы обеспечить полную свободу действий главным действующим лицам.

Как показал опыт Славянска, соблюдение всех правил «защиты» гарантирует «защитникам» пару месяцев необыкновенно комфортного грабежа. (Приятным бонусом также является возможность ни в чем себе не отказывать в деле сведения личных счетов.)

Выпотрошив город, герои внезапно забывают о клятвах и смываются, оставив населению и «карателям» его выеденную изнутри пустую «шкурку».

И переходят на следующий «объект».

Вероятно, в Славянске все было не так.

По общепринятой версии защитники города руководствовались только «самыми возвышенными материями» и никаких побуждений, кроме ненависти к сосискам, а также «чести», «веры» и желания «сложить головы», у них не было.

Зная реалии жизни, допустить такую стерильность мотивации чрезвычайно сложно.

Но все же возможно.

Как говорил Хокинг, «даже ничтожно малая вероятность — это еще не ноль».

Так что примем военно-героическую, стерильную от всякой корысти подоплеку драмы как основную и ни в коем случае не будем в ней сомневаться.

И на этот раз тоже.

## В когтях пипопагуса

Начнем издалека.

Приглядимся к государственному гербу РФ.

На нем — двуглавый орел.

Никаких внятных объяснений, почему Россию символизирует именно это существо, не могут предложить ни геральдисты, ни историки.

И те и другие закатывают глаза, затем производят возложение нижней губы на верхнюю и начинают невнятный, но пафосный бубнеж о шумерах, Византии и Золотой Орде, которые таким орлом тоже в свое время попользовались.

Попользованность птицы почтеннейшими шумерами и ордынцами, конечно, придает символу вес и авторитетность, но никак не отвечает на простой вопрос: а что же он, собственно, обозначает?

(Русофобские домыслы о том, что создатели русского царства попросту собезьянничали, бездумно украсив свои штандарты двухголовой птицей (как у монгольского начальства), мы решительно отмечаем.)

Вероятно, это изображение содержит какой-то смысл, указывающий на тайную сущность русского государства?

Как мы знаем, в геральдике ничего «просто так» не бывает. Размещенные в гербовом поле существа и предметы всегда свидетельствуют о некой важной особенности гербообладателя.

Например, у рода Оринали в гербе размещены десять ночных горшков, у Коллеони — оторванные тестикулы, а у д'Амфревилей — поганки. <sup>[26]</sup>

Сверяемся с фактами и убеждаемся, что горшки, поганки и яйца — это лишь фиксация того, что десять поколений Оринали страдали диареей, набожный основатель рода д'Амфревилей ел только поганки, а Коллеони лишился яичек вследствие удара копьем на турнире.

Как видим, геральдика точна и исторична.

Вероятно, и двухголовая птица России тоже имеет свое объяснение помимо туманных мифологем и фантазий историков.



Возможно, для расшифровки национального символа следует обратиться к дисциплинам, как раз и объясняющим различные аномалии?

Например, к тератологии — науке о причинах и механизмах эмбрионального уродства.

Учитывая исключительную деликатность темы, уточним, что Большая медицинская энциклопедия, а также специализированные работы по тератологии не значатся в списке экстремистских или запрещенных в России материалов. Следовательно, и те трактовки двуглавости, которые могут предложить данные труды, никак нельзя отнести к обидным или оскорбительным для госсимволики.

Так вот, согласно всем тератологическим трудам, в гербе России изображен пигопагус.

(А возможно, торакопагус. Но, скорее, все же пигопагус.)

Уточним.

Пигопагия — это так называемое двойниковое, двухголовое уродство, при котором организмы, вследствие мутации, в материнской утробе срастаются определенными областями и полностью теряют всякую жизнеспособность.

Это тяжелейшая аномалия развития, которая обрекает мутанта после родов на крайне непродолжительное, мучительное существование.

Чаще всего пигопагусы мертворожденны, но в редких случаях им отпущено несколько минут жизни.

В такой ситуации для пигопагусов характерны безостановочные судороги, агрессия и неконтролируемые выделения физиологических жидкостей.

Впрочем, исследователи отмечают, что цепкость лап (или пальцев) двухголового мутанта во многом превышает стандартную.

Препараторы и таксидермисты, которым доводилось работать с подобными экземплярами, свидетельствуют о том, что невероятная цепкость лап и когтей сохраняется даже у заспиртованных или таксидермированных препаратов.

Иными словами, пигопагусы не разжимают когтей. И даже после смерти никогда не выпускают того, что в них попало.

Единственная «карьер» для такого существа — это банка в кунсткамере или чучело.

Иными словами, надо признать, что Россия избрала своим символом редкое и своеобразное существо.

Вероятно, мертворожденный мутант в гербе и на знаменах содержит намек на некую неизвестную нам, но очень важную государственную тайну.

А она, как мы знаем, охраняется законом.

Здесь у нас появляется необходимость мягко сменить тему и очень тактично перейти к авторству русской национальной идеи «Третьего Рима», «Русского мира» и «Особого пути».

Существует стереотип, что все эти идеологемы «окутаны древнерусскими туманами».

Это не совсем так.

Русская старина понятия о них не имела (если не считать сугубый подхалимаж инока Филофея, который в какой-то своей писуле любил сравнивать царя Василия III с владыками Византии).

Мечты о «Третьем Риме» муссировались еще болгарами, видевшими свое Тырново «Новым Константинополем». Позже они же были любимой идеологической игрушкой Бенито Муссолини.

Так что в концепции «Третьего Рима» нет ничего ни русского, ни оригинального.

Славянофильская идея «Особого русского пути», которая считается кровной российской, тоже имеет весьма любопытное происхождение.

Она является «цельнотянутой» (то есть целиком и без изменений заимствованной).

Ее подлинные авторы — Якоб и Вильгельм Гримм, немецкие сказочники XIX века.

Те самые братья Гримм.

Это не шутка и не анекдот. Это факт.

Дело в том, что славянофильство — по существу, простая калька с западных теорий «романтического национализма».

В 1765-м «сумрачный германский гений» пером Карла фон Мозера отмахал трактат «О немецком национальном духе».

Трактат по причине корявости написания не стал бестселлером, но все же привлек внимание. Чуть позже изложенные в нем идеи были талантливо обработаны братьями-сказочниками.

Именно в гриммовской интерпретации «романтический национализм» года три побудоражил Европу, а затем благополучно забылся.

Несколько лет идея пылилась без всякого применения, пока на нее не набрели ранние славянофилы. Они восхитились, подхватили ее, плагиатировали и (как у нас водится) без ссылок на «всяких там сказочников» перетащили на «русскую почву».

Здесь ее основательно пропитали пафосом, кровью поколений и запахом онучей.

Украсили крестами, «духовностью» и «чувством врага вокруг».

Тогдашняя госмашина удовлетворенно дала отмашку — и творение братьев Гримм стало основой национальной идеологии России.

До того момента русские и не подозревали, что они какие-то «особенные» и что их мировая миссия заключается в массовом взаимоистреблении во имя идеалов разной степени пещерности.

Какое-то время идеи «особого пути» безмолвствовали и казались давно почившими.

Но сегодня у нас есть редкая возможность посмотреть на то, как, разрывая саваны и пеленальные бинты, они откидывают крышки своих саркофагов и вновь захватывают пространство.

Ничего удивительного. Когда (по большому счету) нет ни настоящего, ни будущего, воцаряется прошлое.

## Идущие в анус

Самое отвратительное в работе президента — это необходимость (помимо всего прочего) постоянно развлекать сто с лишним миллионов идиотов.

Дело в том, что без увеселений, режиссируемых властью, население активно изобретает собственные забавы: погромы, стачки, массовые грабежи и митинги. Оно склонно потешиться межнациональной (или иной) резней, а также созданием банд, подполий и сект.

Нельзя сказать, что публика в РФ плоха или очень капризна.

Нет.

Она ничем не хуже публики (к примеру) древнеримских цирков.

Ей нравится наблюдать игрища с оружием. (Особенно когда капли гладиаторской крови долетают до трибун.)

Она рукоплещет забоям различных политических слонов на арене.

И она умеет честно обожать тех императоров, что не скупятся на представления.

Иными словами, публика как публика. («Крымский вопрос» ее немножко испортил.)

Эти обстоятельства, конечно, обрекают первое лицо еще и на роль массовика-затейника.

Но выбор общенациональных шоу-программ сегодня, увы, невелик.

Космос проигран. Попы надоели. А слоны перебиты. (Повисли на шарфиках или удрали в Швейцарию.)

В такой ситуации остается лишь заново прокрутить архаичное шоу, именуемое «Великая Россия».

Оказалось, что этот старый проект прекрасно работает.

Все увлечены, все веселы, все при деле.

Публика в восторге машет флажками и лентами разной степени полосатости. Она еще путает «крымнаш» и «отченаш», но ее счастья это не омрачает.

Рогозин строит на Луне секретные заводы.

Черносотенцы в секретном сарае Изборска пытаются завести главный символ православия. Они веруют, что он оживет, затарахтит и поползет наматывать кишки бездуховной планеты на священные гусеницы.

А они сами смиренно последуют за ним и прикладами зачистят греховное пространство Запада под «русский мир», вбив в головы случайно уцелевших перлы о «слезинке ребенка» и добром «народе-богоносце».

Чтобы обеспечить пафосность этого мессианского шествия, черносотенцы подсуетились и возродили имперский флаг. Примечательно, что вместо орла на нем будут размещены перечеркнутые кружевные трусы, что, конечно, будет лучшим символом страны победившей духовности.

Черносотенцы на удивление наивны. Все элементы шоу принимают за чистую монету. Они свято верят в то, что у них «миссия», что Кремль доверил им реконструкцию национальной идеи.

Кремль ухмыляется и гладит их грантами по юродивым макушкам.

Иными словами, все получилось наилучшим образом.

Любопытно, что строительство имперской декорации обошлось Кремлю дешевле, чем асфальтизация дорог в регионе средних размеров.

Но мы-то знаем, что асфальтом капризную российскую публику развлечь вообще невозможно.

А вот аттракционы «Великая Россия», «Крымнаш» и «Рогозин на Луне» имеют колоссальный успех.

Единственная проблема (о которой не подозревал Кремль): шоу такого рода быстро выходят из-под контроля.

Его рядовые участники в патриотическом запале теряют ориентацию и вносят в сценарий отсебятину вроде подбития «Боингов», избыточных пыток в подвалах Луганска или прямо начинают показывать татуированные кулаки режиссеру-постановщику.

Градус ситуации неприятно меняется.

То, что замышлялось как невинная реконструкция терроризма, быстро преобразуется в терроризм реальный. Шоу срывается с поводка.

Это не только омрачает происходящее, но и начинает с неприятной настойчивостью указывать Кремлю дорогу туда, куда он, в общем-то, не собирался.

То есть попросту в военно-апокалиптический анус, размеры которого и всасывающая мощь вполне сопоставимы с *OJ 287* или иными «черными дырами» вселенной.

Из всех возможных маневров в этой ситуации остается лишь один. Блистательно красивый, внезапный для всех, чисто наполеоновский вираж, способный усадить в лужи и Восток, и Запад, примирить Россию и Украину — и заткнуть чертову дыру.

Имеется в виду введение войск РФ на территорию Украины.

Но!

Исключительно для искреннего и братского объединения с украинскими силами АТО. И лишь для совместного удушения войны.

Увы, в лице тех, кто ее олицетворяет и разжигает. Не обращая внимания на такие мелочи, как мечты, идеи, лозунги, взгляды, вера и даже личное обаяние.

Уже слишком близка пованивающая общей смертью «черная дыра». Уже не до таких пустяков, как книжные грезы усатых реконструкторов.

Романтиков-террористов, конечно, жаль.

Но утрату жизни им можно будет компенсировать «установкой бюста на родине героя». Со временем. Лет через пятьдесят. Когда очередное шоу потребует пополнения национального пантеона.

## Глядящие в пенис

Нет сомнения, что депутат ГД, публично произносящий особо сочную глупость, испытывает острейшее наслаждение. Наверное, такое же, как эксгибиционист, которому удалось показать свои сизые гениталии большой толпе пенсионерок, детей и мамаш. У депутата, конечно, аудитория побольше, чем у извращенца в скверике, но, вероятно, и удовлетворение посильнее.

Вообще эксгибиционизм нынче в моде. Помимо депутатов им балуются и министры.

Всех, конечно, превзошел Рогозин, показавший прессе «всего себя» в мундире.

Мединский застенчиво явил стране отжатую у итальянского университета мантию. Своей улыбкой (в этот момент) он был явно обязан той самой «лишней хромосоме», о которой сам министр любит упомянуть как об особом благе.

Изборский клуб принял решение проводить заседания «спасителей Руси» исключительно в кокошниках. Будем справедливы: большей части черносотенцев они очень идут, освежая сиянием жемчугов их глобальные физиономии.

Главы думских фракций, чиновники и попы открыто показывают в телевизоре свои лица.

Конечно, это не вполне обычный эксгибиционизм. Но это тоже сладострастная и торжествующая демонстрация того, что следует тщательно скрывать от всех, кроме врача и полового партнера.

Прилюдное обнажение самого постыдного и тупого становится в России лучшим проявлением благонадежности. И символом единения с госаппаратом.

Исключением является только Аполлон на сторублевой купюре. Его маленький пенис, недавно повредивший рассудок Думы и большую часть духовных скреп России, будет, по всей вероятности, запрещен. Уже сейчас церковь рекомендует монахиням, прихожанкам, девственницам, а в особенности благочестивым блудницам при пересчете заработанных купюр использовать варежки (во избежание греховного касания).

Разумеется, новая революция в России необходима. Причем не столько для смены власти, сколько для смены народа. Только революции под силу изменить людскую массу и вернуть ее из шовинистических грез в реальность. Революция (как мы помним) работает не очень эстетично, но результативно. А степень болезненности, с которой она хирургически оперирует общество, напрямую зависит от уровня неадекватности последнего.

В этом смысле сегодня Россия вне конкуренции. Раскаленная «праведной злобой» на весь мир, избравшая изоляцию и дремучесть, воодушевленная черносотенством и душительскими амбициями, она, конечно же, является пациентом № 1. Это заметил даже подслеповатый Кремль. И принял меры.

Отгрызть у грядущей революции руки доверили зверю «имперской идеи». Но, выведенный из сурковских подвалов на публику, зверь оказался шелудив, безобразно худ и слаб. Попытка подкормить зверя «крымнашем» и мясом молодых украинцев сил ему не прибавила. А лишь привела бедолагу к диарее, причем настолько мощной, что брызги разлетелись по всему миру. Кремлю их досталось больше всего.

В итоге затея оказалась не просто дурацкой, но и на редкость зловонной. Теперь надо как-то отстирывать первых лиц государства (включая добрейшего Шойгу). А как это сделать, никто не знает.

Различные политтехнологические мыслишки по этому поводу, конечно, присутствуют. Лидирует идея почтеннейшего Кургиняна, предложившего сделать зловоние нормой, а обычный воздух запретить на всей территории РФ.

Разумеется, Россия, воспитанная в отвращении ко всякой революции, ее, что называется, «не хочет». Но Россию никто и не спрашивает. Революция вообще не имеет привычки интересоваться мнением страны, которую намерена «навестить». Если страна не хочет развиваться, не хочет добром адаптироваться к изменившемуся миру, то революция заставит ее это сделать через боль и хаос. Военно-патриотическая риторика, истерики царей и заклинания попов ей совершенно безразличны.

Эволюция ведь тоже не посчиталась с желаниями ящеров, которым наверняка хотелось бы навсегда сохранить свои огромные размеры, количество зубов и завоеванный «кровью дедов» статус. Но



эволюция безжалостна. Заканчивается мезозой — заканчивается статус. Изменения неизбежны.

Россия, кажется, пока не поняла, что ее родной «мезозой» закончился и надо кардинально меняться. В современном пейзаже динозавры не очень уместны.

Конечно, это нелегко, особенно когда национальная идея до сих пор истерично диктует «убить, взорвать, намотать кишки на гусеницы, сбить, выпороть, затоптать и посадить». Но «не просто так», а во имя торжества духовности, сохранения территориальной огромности и какого-то там «особого пути» (куда — никто не знает).

Пока Россия следует своему динозаврскому идеалу, у мира и не будет к ней никаких чувств, кроме омерзения и желания разделаться тем или иным способом. Нужна новая национальная идея, следование которой коренным образом помогло бы стране не только измениться, но и дать ей подлинное величие. В этой идее должно быть столько энергии, дерзости, красоты и силы, что одно стремление к ней уже поменяло бы статус государства и навсегда перечеркнуло бы кишконаматывательные бредни о «русском мире».

Красивые национальные идеи валяются под ногами, но их не принято замечать. Они скучны, так как в них нет места «затоптать, намотать, запретить, посадить».

«Тупая», по выражению какого-то сатирика, Америка — это страна 360 лауреатов Нобелевской премии. «Растленная» Европа породила 364 лауреата. А Великая Россия (в основном СССР) дала их миру... лишь 23.

В сопоставлении этих цифр, увы, содержится отражение реального вклада нации в цивилизацию и развитие человека. Соотношение, конечно, позорное. Понятно, что для России догнать и перегнать даже «тупую» Америку по числу нобелевских лауреатов малореально. Хотя для этого рывка у России всегда было и есть всё.

Но она очень занята. Она опять наматывает чьи-то кишки на гусеницы, лижет руки попам, а украдкой разглядывает знаменитую сторублевку.

## Вкус кала

Изучение жизни по новостям в СМИ — это попытка определить сорт пармезана по вкусу кала того, кто этот пармезан съел.

По всей вероятности, это непростой, но увлекательный процесс. Мы слышим, как население РФ все громче чавкает новостями, вникая в тайны войны и мира. Оно так увлеклось дегустацией, что начисто забыло о своей первоначальной задаче. То есть о своей попытке все же узнать сорт пармезана.

Просмотр новостей в РФ превратился в гражданский обряд, стал важнейшей частью пещерно-черносотенного культа. Пережеванность информации, ее обработанность кислотами и желудочными соками идеологии, ее странствие по извилистому кишечнику СМИ уже не играют никакой роли. Продукт прекрасно употребляется и пользуется огромной популярностью.

К тому же масс-медиа России научились начинять его газами чистой духовности. Это придает моменту выхода продукта к потребителю характерную, легко узнаваемую звучность.

В данной метафоре нет ни драматизации, ни натяжки. Изготовление медиапродукта и не может быть иным, нежели это прописано в «третьем законе» профессора Гитлера. (Да-да, того самого. Помимо всего прочего Гитлер, разумеется, был почетным профессором девяти университетов только в одной Германии.) Третий закон гласит:

«Всякая пропаганда должна быть доступна для массы: ее уровень должен исходить из меры понимания, свойственной самым отсталым индивидуумам из числа тех, на кого она хочет воздействовать. Чем к большему количеству людей обращается пропаганда, тем элементарнее должен быть ее идейный уровень».<sup>[27]</sup>

Все СМИ во всем мире (в той или иной степени) следуют этому закону. Особенно в сложные времена. Если рейтинг новостей запредельно высок, то это означает, что «дно тупости» уже достигнуто. Ведь публика обожает однозначность. Особенно российская. Она

умеет быть благодарной тому, кто избавляет ее от мерзкой необходимости думать. Уже избавлено порядка 88 %, и эта цифра все растет. Виртуальный пещерно-черносотенный мир оказался для них очень уютным местечком.

Во всем этом нет никакой трагедии и никакого посягательства на личность. Ведь если мировоззрение человека сформировано телевизором, это значит, что его никогда у него и не было.

Конечно, все это мешает населению осознавать реальность, но она интересует народ примерно так же, как вкус пармезана. То есть вообще никак. Более того, реальность по самой своей природе штука русофобская и антигосударственная. Ей и не должно быть места в России, а нетерпимость к ней должна стать обязательной чертой истинного патриота.

Смущает только то, что еще не везде и не во всем над ней одержана победа. К примеру, в вопросе об абсолютной самобытности и уникальности «русского мира», «русской цивилизации» нет-нет да и покажется мерзкое рыло реальности, способное попортить всю красоту патриотической картины.

Конкурирующий в популярности с «Крымнашем» пещерный клич «Россия не Европа!» звучит не так красиво, как мог бы. А все потому, что реальность пока еще осмеливается о себе напоминать (разными способами).

Как известно, у идеологии «самобытной и неповторимой русской цивилизации» существует небольшая проблема. Что-нибудь «русское» (в черносотенном смысле этого слова) обнаружить в общественных пейзажах практически нереально. Абсолютно все, из чего соткана современная жизнь РФ, имеет строго западное происхождение. И никакого другого. Вторично и заимствовано все, без исключения.

Включая, кстати, и культуру. И «Евгений Онегин», и «Анна Каренина» — продукты «лицензионные», изготовленные по тем западным литературным технологиям, которые Европа вырабатывала несколько столетий.

Россия не имела ни малейшего представления даже о существовании рифм. Европа оттачивала формы поэм, романов и симфоний, она же задавала их стилистику и дизайн. Так что «русского» в «Евгении Онегине» не больше, чем в «Форд-Фокусе», собранном во Всеволожске. (Забавно было бы посмотреть на это

произведение, выполненное в древлеправославной стилистике «Четых миней» или «Октоиха».)

По европейским же технологиям создавалось и все остальное. Напомним, что даже Кремль и его соборы построены итальянцами. А национальный символ «матрешка» — это даже не Европа, а простой плагиат с японской игрушки толстенького бога Фукурокодзю, имевшего множество сущностей, которые можно было извлечь друг из друга.

Не лучше обстоит дело и с духовностью. В основном продукте СМИ ее содержание, конечно, очень высоко. Но в реальности православная идея обескровлена и протухает. Отчасти это происходит по вполне объективным причинам, отчасти из-за украинского прокола Гундяева. Три года Гундяев бил себя кулаками в пыльную грудь, охмуря Кремль рассказами о невероятных адгезирующих свойствах православия, способного так склеить меж собой народы, что никакой «мировой закулисе» порвать эту связь не удастся. Он гарантировал, что именно «духовная составляющая» удержит Украину в полном подчинении и покорности Москве. Для успеха операции требовалось совсем немного: ввести в «украинский план» мощную религиозную составляющую, смастерить пяток благочестивых героев, а также передать РПЦ пару тысяч объектов недвижимости.

Не блещущий особым интеллектом Кремль легко повелся — и подставил под лапшу уши, сделав в украинской игре большую ставку на православный суперклей. Религиозную составляющую хорошо разогрели и глубоко «ввели» публике. Недвижимость передали. «Пыльный» лично потратил месяц на чтение заклинаний и в результате заколдовал трех унылых военнослужащих жаб в «древлерусских героев», которые немедленно были вброшены в игру.

Результат, как мы знаем, получился очень впечатляющий. Православные фанатики — во имя православия и единства «русского мира» — начали нудно и неумело убивать православных солдат православной Украины, прячась от их православных минометов за спинами православных торговцев крыжовником и таких же православных шахтерских дочек. В результате такой невероятной концентрации православия и духовности бессмысленно погибло несколько тысяч человек, был разгромлен и разворован юго-восток Украины, а Россия опозорена.

Игра схлопнулась, так как ситуация приобрела все признаки грязного и уникально бессмысленного скандала. Нет сомнения, что по степени бесцельности и ненужности никому вообще (включая всех его участников и заводил) «донбасскому скандалу» обеспечено местечко в Книге рекордов Гиннеса.

«Праведные принцы Новороссии» вдруг покрылись бородавками, снова превратились в московских жаб и упрыгали в страну постоянного проживания.

Иными словами, православный фактор не сработал ровно на 100 %. В конце мая состоялся крайне неприятный разговор, после которого «Пыльный» удалился из Кремля, всхлипывая и прикрывая большой фингал.

Если «Крымнаш» хотя бы позволил РФ ненадолго вздыбить три волосины, оставшиеся от великодержавной шерсти, то «проект Новороссия» оказался химически чистым маразмом, не имеющим вообще никакого объяснения, никакой цели и никакой внятной рецептуры его завершения.

Публика, кстати, начала явно зевать и переключаться.

Это сигнал о том, что в ближайшее время России придется отвесть новое идеологическое блюдо. Вкус его будет, конечно, чуть-чуть иным, но очень знакомым.

## Труженики зада

Конечно, на первый взгляд правильнее было бы характеризовать депутатов как тружеников «зада и рта». Ведь они должны не только заседать, но еще и издавать звуки. Тем не менее все указывает на то, что данная профессия в первую очередь развивает не речь, а именно ягодичные мышцы — мы видим, что матерому депутату присуща характерная экзотическая походка. Возможно, это происходит из-за продолжительности сессий. А возможно — и из-за избыточного усердия при выполнении команд «Сидеть!» и «Служить!.. отечеству».

Если бы депутатский труд оценивался по степени развития анатомических аномалий, то, безусловно, Государственной думе было бы чем гордиться. Но, к сожалению, от нее требуется еще и некий интеллектуальный продукт. А вот с этим ситуация безрадостна. Все, что депутаты произносят или пишут, увы, не тянет даже на уровень матросского капустника. Поначалу, конечно, они освежали свои экзерсисы благостной христианской злобой, но со временем это приелось, а злоба заняла свое законное место в наборе духовных скреп.

В России всегда была в цене и вторая «скрепа», т. е. умелое и эффективное холуйство. Какое-то время Дума в этом смысле была вне конкуренции. Но эстрадники, писатели, попы и журналисты, используя профессиональные навыки, перещеголяли бедных депутатов с их покупными дипломами и косноязычием. Сегодня уже никого не удивишь даже самым душераздирающим верноподданничеством. Охотный Ряд и по этой позиции выглядит блекло и неубедительно.

Данная ситуация вызывает тревогу. Мы рискуем лишиться Государственной думы. Она, конечно, могла бы тихонько отсидеться, лидируя только в глупости и по части ягодичных аномалий, но очередная новация может ее настигнуть и прихлопнуть. Как известно, в ближайшем будущем все ценники в РФ будут содержать очень важную для потребителя информацию. А именно: помимо финальной (продажной) цены в них будет указана еще и реальная, производственная стоимость товара. Контраст цифр, несомненно, будет ошеломляющим.

Это, конечно, огорчит торговцев ананасами, опечалит строителей и удручит производителей презервативов. Но настоящей трагедией это станет для депутатского корпуса. У т. н. «народа», наконец, появится возможность сравнить настоящую цену депутатского «продукта» с затратами на его производство.

Стоимость красивой политической жизни депутатов общеизвестна. В каждого избранника ежемесячно вбухиваются миллионы. А вот продукт его деятельности, как выяснится, тянет не больше чем на «двушечку» (в тыс. рублей, разумеется). Подлинную цену депутатских экзерсисов легко установить с помощью стандартных расценок на услуги аниматоров, затейников на корпоративах и других «речевиков». Они хорошо известны и, как правило, не превышают 300–500 рублей.

Конечно, ценники в прямом смысле этого слова никто на избранников не нацепит. Для этого есть подпечатки, «бегущие строки» и другие технические приемчики. Вероятно, было бы целесообразно, чтобы каждый депутат, потев и ежась, перед озвучиванием очередной инициативы сам напоминал бы, в какую сумму он уже обошелся стране — включая его собственную зарплату и зарплаты его помощников, содержание обслуживающего его аппарата и создающих его комфорт зданий.

Тут-то и выяснится, что бедная Россия переплачивает за сомнительные услуги Госдумы в сотни и тысячи раз. Конечно, маразм имеет свою прелесть, но его себестоимость все же гораздо ниже.

Разумеется, Думу надо выручать.

Может быть, у депутатов есть скрытые таланты? Их наличие, конечно, не решит вопрос радикально, но хоть чуть-чуть сократит кошмарный разрыв меж стоимостью их содержания и реальной ценой их «продукта». Быть может, кто-то из них способен, например, к биолюминесценции? Это можно было бы проверить, проведя несколько пленарных заседаний в полной темноте. С трансляцией, разумеется, по всем каналам.

## Ложь как жанр

Поскольку оба творения по своему статусу явно не «Пираты Карибского моря», то нет смысла оценивать их кинематографические достоинства или недостатки. Сегодня «художественность» начинается с совершенно других цифр бюджета. Обсуждать «Удар» или «Распутина» в качестве «большого кино» бессмысленно и некорректно. «Киноязык» в них ровно такой, какой был позволен финансовыми возможностями этих двух поразительно похожих картин. Их делали опытные мастера, прекрасно понимающие, что гениальничать на медные (по меркам современного кино) деньги не имеет никакого смысла.

Все скромненько и стандартно. Актеры недорогие, но старательные, а набор постановочных приемов давно известный, но преимущественно весьма незатейливый. В этом смысле говорить в общем-то не о чем. Впрочем, оба режиссера ни на что и не претендовали, а честно слепили «расширенные агитки», у которых и нет никаких задач, кроме строго идеологических.

Следовательно, единственным предметом оценки может быть лишь предлагаемая идея, а также умение хорошенько ввинтить ее в сознание масс. Сама идея заключается в том, что России надо задним числом придумать и нарисовать красивое прошлое. Это сложная задача, так как облагораживание русской истории возможно только через подмену ее чистой ложью.

Слова «ложь» не надо пугаться. И не надо ханжески закатывать глаза; вся культура *homo* почти на 100 % состоит именно из чистой лжи или ее основных компонентов. Конечно, это непростой жанр, но именно историческая ложь сегодня особенно востребована и необходима. Дело в том, что она является основным строительным материалом для всякой идеологии, создавая сегодняшним реалиям сочное и авторитетное прошлое. Без нее может создаться ненужное впечатление, что «русский мир» — это только биндюжники с пулеметами, перекошенный Дугин, тупость Думы и постановочные слюни Кургиняна. Идеология, несмотря на писк либералов, уверенно создается и внедряется. Ей-то в первую очередь и требуется сортовая



ложь в товарных количествах. (Не следует забывать о том, что у лжи есть и еще одна, крайне важная государствообразующая роль: она является традиционной духовной скрепой России, не менее важной, чем, например, холуйство, злоба, мракобесие или воровство.)

Вернемся в тему. Сегодня у российского кинематографа есть первоочередная задача: вопреки всем фактам создать иллюзию существования совершенно отдельного «русского мира», или «русской цивилизации». Это трудно, но в принципе возможно, когда «важнейшее из искусств» берется за дело ответственно и с огоньком.

Настоящее русское кино, конечно, надо делать на бересте. Тогда гордый вызов Европе и декларация наличия особой «русской цивилизации» будут выглядеть не так забавно. Но простим создателям картин грех использования европейских форм, приемов и технологий. Этот грех мало кому сегодня заметен. Публика уже настолько хорошо отрихтована молотками эфира, что связь с реальностью утратила и в существование «самодостаточного русского мира» уже поверила.

Этот придуманный мир нужно заселить героями. На роли героев обсуждаемые кинополотна предложили православного придворного фавна (Г. Е. Распутина) и эрегированного офицера, который долго ловит косынку. С Распутиным, конечно, вышла неувязочка. Бедолагу оскопили, и образ его сразу погас. На корню убита главная и единственная интрига: удалось ли Григорию Ефимовичу задрать Главную Юбку Страны или он не успел? Дело в том, что единственная драматургия, заключенная в имени «Распутин», — это пикантный конфликт дикого деревенского пениса и надушенных придворных вагин. Это известный еще с Мольера вечный мотив использования «слова божьего» для проникновения под самые дорогие юбки. Использование Распутина в любом другом качестве так же противоестественно, как попытка сделать из хорька не воротник, а отбивную. Секвестировав Распутину тот орган, который, собственно, им и двигал, создатели фильма получили фигурку плосконького унылого мракобеса, для которого в кино «о Распутине» нет никакого места и занятия. До конца фильм можно не досматривать. Понятно, что в финале Григория Ефимовича примут в «Единую Россию» и предложат преподавать в МГУ. Другому герою самобытного русского мира пенис все-таки оставили, но ни выразительности, ни драматургической подвижности ему это не прибавило.

За основу патриотической иллюзии Михалкова взят Бунин. Это правильный выбор. Иван Алексеевич — образцовая водомерка (*Gerris lacustris*), скользкая туда-сюда по глади прудика и совершенно не озабоченная процессами, происходящими в его глубине. Когда загнивший прудик наконец откачивают, водомерка, соответственно, негодует. И гибнет. Данная первооснова необычайно удобна, ибо на законных основаниях позволяет не иметь ни малейшего понятия о том, чем же на самом деле была опрокинутая в семнадцатом году Россия.

А это была страна, где за чтение статьи в студенческом кружке приговаривали к расстрелу (дело Достоевского).

Где высший полицейский чин прямо посреди столицы империи мог запросто и с наслаждением публично избить политзаключенного (Трепов).

Где романтические потрахивания офицеров почему-то должны были материально обеспечивать миллионы завшивленных безграмотных людей, живущих на земляных полах и носящих на ногах обмотки из древесной коры (лапти).

Где реальным офицерам, посещавшим балы, в приказном порядке было предписано «не сморкаться на полы» и «для совершения большой нужды не вылезать на балконы особняка, а отправляться для этого в отхожие места» (Приказ № 372 по Суздальскому полку).

Где власть без колебаний, по первому капризу убивала миллионы своих подданных. Как мы помним, православно-патриотический психоз Николая II (Кровавого), впутавшего страну в бессмысленную и ничем не угрожавшую самой России Первую мировую, обошелся (примерно) в 18 000 000 литров солдатской крови, выплеснутой на помойку истории, и в 240 000 тонн русского солдатского мяса, сгнившего там же. Цель всей этой религиозно-мясной эпопеи так и осталась никому не ведомой.

Что такое «великая Россия», уже понятно. Кажется, для этой бедной страны «великие потрясения» были все же меньшим бедствием.

Хотя на все это в «Ударе», разумеется, нет даже намека, а главным революционером оказывается Чарльз Дарвин, михалковская картинка все же недостаточно сусальна. Для эффективного идеологического материала в ней маловато настоящей, сортовой лжи. Как, впрочем, и в «Распутине». Разумеется, виной тому не крамольничанье режиссеров.

Их вытянутость во фронт и готовность обслужить идеологию наилучшим образом не вызывает ни малейших сомнений. Вероятно, их все же подвела необходимость пользоваться методиками, приемами и технологиями растленного европейского кинематографа. Эти чертовы приемчики, отработанные Дзеффирелли, Вербинским и Питером Джексоном, привносят совершенно ненужные нюансы, создают изобразительные и смысловые помехи. Впрочем, с переводом российского кинопроизводства на бересту и церковнославянский язык этот вопрос, несомненно, будет решен, и зритель получит идеологически полноценный продукт.

---

**notes**

## **Примечания**

**1**

«Письма Достоевского», 1934, т. 2, стр. 259.

Сталин И. «Вопросы ленинизма», 1934, стр. 445.

«Антифеодальные народные восстания в России и церковь». М., 1955.

Семевский В. И. «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II», СПб., 1903, т. 1, стр. 310.



«Слово о человеке».

«Письма о подвижнической жизни».

«Дневник 1908 г., сентябрь».

Канаев И. И. «Очерки из истории сравнительной анатомии до Дарвина», М.-Лд., 1963.

Cuvier, 1819, стр. 42–43.

Cuvier, 1819, стр. 44.

БЫТ. 6-4.

Процентовка объема ликвора и крови приводится по классическому труду «Неврология и нейрохирургия», глава 2.7 — «Внутричерепные объемные взаимоотношения и их нарушения», 2009.



Сперанский В. «Основы медицинской краниологии», 1988.

Блинков С., Глезер И. «Мозг человека в цифрах и таблицах», 1964.

Dawson W. R. Making a Mummy, *Journal of Egyptian Archaeology*, XIII (1927).

Elliot Smith G. and Wood Jones F., Arch. Survey of Nubia, report for 1907–1908.

Лукас А. «Материалы и ремесленные производства Древнего Египта», М., 1958.

Шавловский И., в кн. «Труды Антропологического общества при Императорской Военно-медицинской академии ВМА», т. V, 1897–1899.

Виттельс Ф. «Фрейд: его личность, учение и школа», 1925.

Hellpach W. Die geistigen epidemien, Frankfurt am Main: Rutten & Loening, 1907.



Цит. по кн.: Пашковский В. Э. «Психические расстройства с религиозно-мистическими переживаниями», 2006.

Сербский В. П. «Психиатрия. Руководство к изучению душевных болезней», 1912.

По Kleist.

Цит. по: Корбен А. «История тела».

Откр. 3–15, 16.

Santi-Mazzini G. Araldica, Milano, 2003.

Гитлер А. «Моя борьба».